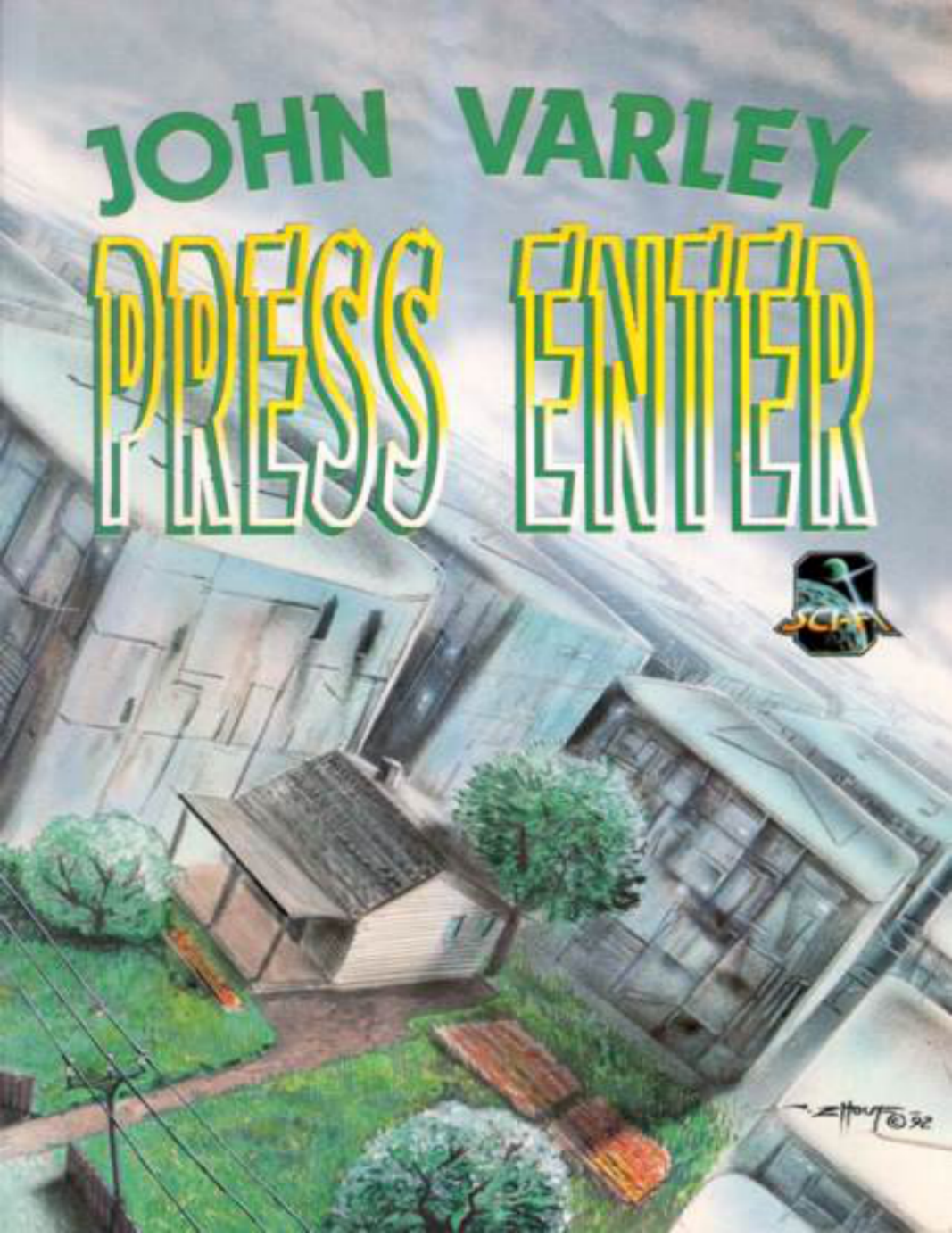
JOHN VARLEY

PRESS ENTER



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его зовут Виктор Апфел, ему 50 лет, он ветеран корейской войны, эпилептик (последствия ранений и плена), нелюдимый затворник. Однажды в его доме раздался телефонный звонок, и его попросили зайти в дом к соседу, некоему Чарльзу Клюгеру. Клюгера Виктор практически не знал, это был странный человек, который ни с кем не общался, но звонки повторялись каждые десять минут, и Виктор всё-таки к нему зашёл…

- John Varley

John Varley
Press «Enter»

– Вы слушаете запись. Пожалуйста, не кладите трубку, пока…

Я швырнул трубку с такой силой, что телефонный аппарат упал на пол. Сам я продолжал стоять, весь мокрый, меня трясло от злости. Потом телефон начал издавать такой жужжащий звук, который показывает, что трубка лежит не на рычаге. Зуммер этот раз в двадцать громче любого другого звука, на который способен телефон, я никогда не мог понять, зачем это нужно. Как будто произошло нечто ужасное: «Катастрофа! Трубка не на рычаге!!!» Автоответчики, на мой взгляд, из числа тех изобретений, что делают жизнь неприятной в мелочах. Скажите честно – вы любите, когда вам отвечает машина? Но то, что произошло со мной, это уже не просто мелкая неприятность: автоматическая наборная машина только что позвонила мне сама!

Машины эти появились не так давно. Я получал два-три звонка в месяц, большей частью от страховых компаний. Они читают вам двухминутную речь и дают номер телефона, по которому можно позвонить, если предложение вас заинтересует. (Как-то раз я туда позвонил, чтобы высказать все, что я о них думаю, но опять нарвался на автомат, который произнес: «Ждите ответа» – и включил музыку.) Я вернулся в ванную, стер капли с пластиковой обложки библиотечной книги и осторожно опустился в воду. Вода, разумеется, уже остыла. Я добавил горячей, и только-только давление у меня пришло в норму, как опять зазвонил телефон.

Пятнадцать звонков я не двигался с места. Вы пробовали читать, когда звонит телефон? После шестнадцатого звонка я выбрался из ванны. Вытерся, надел халат, нарочито медленно пошел в гостиную. Долго смотрел на телефон. После пятидесятого звонка я снял трубку. – Вы слушаете запись. Пожалуйста, не кладите трубку, пока сообщение не за кончится. Вам звонят из дома вашего ближайшего соседа Чарльза Клюга. Звонок будет повторяться через каждые десять минут. Мистер Клюг понимает, что не был хорошим соседом, и заранее приносит извинения за причиненное беспокойство. Он просит вас немедленно пройти к его дому. Ключ лежит у входа под ковриком. Войдите в дом и сделайте то, что необходимо будет сделать. За ваши услуги вы будете вознаграждены. Благодарю вас.

Щелчок. И гудки.

Я никогда не тороплюсь. Десятью минутами позже, когда

снова зазвонил телефон, я все еще сидел и обдумывал полученное сообщение. Потом снял трубку и стал слушать.

Текст оказался в точности таким же. Как и прежде, в трубке звучал не голос Клюга, а что-то синтезированное, механическое, начисто лишенное человеческой теплоты.

Я дослушал до конца и положил трубку на место. Потом я подумал, не позвонить ли в полицию. Чарльз Клюг жил по соседству десять лет, и за это время мы разговаривали с ним от силы двенадцать раз. Не дольше минуты. Так что я не считал себя чем-то ему обязанным.

Пропади они пропадом, эти звонки. Как раз в тот момент, когда я пришел к такому решению, телефон зазвонил снова. Я взглянул на часы: прошло десять минут. Снял трубку и тут же положил обратно.

Можно, конечно, отключить аппарат, но вряд ли это сильно изменить мою жизнь…

В конце концов я оделся, вышел из дома и направился к участку Клюга. Еще один мой сосед, живший через дорогу, Хал Ланьер, подстригал лужайку перед домом. Он помахал мне рукой и я ответил тем же. Было уже около семи вечера. Держалась прекрасная августовская погода. В воздухе стоял запах свежескошенной травы. Мне всегда нравился этот запах, и я подумал, что мою лужайку тоже не мешало бы подстричь.

Похоже, Клюгу такая мысль никогда в голову не приходила. Его лужайка местами облысела, а кое-где заросла вымахавшей по колено травой.

Я позвонил. К двери никто не подошел, и тогда я постучал. Потом вздохнул, заглянул под коврик, достал ключ и открыл им дверь.

– Клюг? – позвал я, сунув голову в внутрь.

Затем неуверенно, как человек, который не знает, ждут его или нет, прошел через маленький холл. Шторы на окнах, как всегда, задернуты, но телевизионные экраны в комнате, когда-то служившей гостиной, давали достаточно света, чтобы я мог разглядеть Клюга. Он сидел в кресле перед столом, уткнувшись лицом в клавиатуру компьютера, и в голове его, сбоку, зияла огромная дыра.

Хал Ланьер работает с компьютерами в лос-анджелесском управлении полиции, и я первым делом рассказал ему, что увидел в доме Клюга, а он уже вызвал полицию. Мы вместе дожидались, пока прибудут машины, и он все спрашивал, не трогал ли я там чего-нибудь, а я каждый раз отвечал, что не трогал ничего, кроме дверной ручки.

Машина медицинской службы приехала без сирены, и вскоре

кругом суетились полицейские. Соседи все были тут – кто у себя во дворе, а кто тихо переговаривался перед домом Клюга. Съемочные группы из телекомпаний поспели как раз вовремя, чтобы успеть к выносу тела, завернутого в пластиковую простыню. Мужчины и женщины из полиции сновали туда-сюда. Надо думать, они занимались тем, что положено делать полицейским: снимали отпечатки пальцев, искали вещественные доказательства… Я бы ушел домой, но мне сказали, чтобы я остался.

В конце концов меня отвели в гостиную Клюга к следователю Осборну. Телевизионные экраны все еще светились. Мы с Осборном пожали друг другу руки, после чего он молча оглядел меня с ног до головы. Маленького роста, лысеющий, следователь показался мне очень уставшим и продолжал казаться таким до тех пор, пока не взглянул на меня в упор. Вот тогда, хотя в лице его ничего не изменилось, он совсем перестал выглядеть уставшим.

– Вы Виктор Апфел? – спросил он.

Я сказал, что это так.

– Мистер Апфел, как по-вашему, из этой комнаты что-нибудь пропало?

Я огляделся, отнесясь к вопросу как к занимательной загадке.

Камин, шторы на окнах. Ковер на полу. Но кроме этого в комнате не было ничего, что обычно бывает в гостиных.

Вдоль всех стен были расставлены столы, лишь узкий проход оставался в центре комнаты. На столах громоздились дисплеи, клавиатуры, дисководы и прочие сияющие побрякушки нового века. Все это соединялось толстыми кабелями и шнурами. Под столами стояли другие компьютеры и ящики, доверху наполненные всяким электронным барахлом. Над столами до самого потолка висели полки, забитые коробками с лентами, дисками, кассетами… Это все обозначается одним термином, но я тогда не мог его припомнить. Аппаратное обеспечение.

– Здесь нет мебели, правильно? Кроме…

Следователь взглянул на меня несколько ошарашено.

– Вы хотите сказать, что раньше здесь стояла мебель?

– Откуда мне знать? – Тут я сообразил, что он меня не понимает. – Я впервые попал сюда час назад.

Он нахмурился, и мне это не очень понравилось.

– Медэксперт утверждает, что хозяин дома мертв уже три часа. Почему вы оказались здесь час назад, Виктор?

То, что он обратился ко мне по имени, тоже меня не очень обрадовало. Придется рассказать ему про телефонный звонок.

Он слушал, глядя на меня с недоверием. Но проверить мои

показания оказалось несложно. Хал, Осборн, я и еще несколько полицейских направились к моему дому. Когда мы вошли, телефон звонил.

Осборн снял трубку и выслушал сообщение. На лице его появилась мрачная гримаса, и чем дальше развивались события этого вечера, тем мрачней она становилась.

Десять минут мы ждали нового звонка. Осборн тем временем внимательно осматривал мою комнату. Я даже обрадовался, когда телефон зазвонил. Полицейские сделали запись телефонного сообщения, и мы отправились обратно к дому Клюга.

Осборн сразу же пошел за дом взглянуть на антенный лес моего соседа. Видимо, зрелище его впечатлило.

– Миссис Мэдисон – она живет дальше по улице – считает, что Клюг пытался установить контакт с марсианами, – произнес Хал с усмешкой. – Но я думаю, что он просто воровал спутниковые передачи.

На лужайке за домом стояли три тарельчатые антенны, шесть высоких мачт и еще такие штуки для микроволновой трансляции, что можно увидеть названиях телефонных компаний.

Осборн снова привел меня в гостиную и попросил описать, что я увидел, когда вошел в комнату. Я не понимал, какой в этом смысл, но тем не менее попытался:

– Он сидел в том кресле. Кресло стояло перед столом. На полу я увидел пистолет. Рука Клюга висела прямо над ним.

– Думаете, это было самоубийство?

– Да, пожалуй. – Не дождавшись его комментариев, я спросил: – А что думаете вы?

– Он не оставил записки, – вздохнул Осборн.

– Самоубийцы не всегда оставляют записки, – заметил Хал.

– Да. Но достаточно часто. И когда записки нет, мне это не нравится.

Осборн пожал плечами. – Впрочем, это не самое важное.

– А телефонный звонок? – сказал я. – Это что-то вроде предсмертной записки.

Осборн кивнул.

– Что-нибудь еще заметили?

Я подошел к столу и взглянул на клавиатуру. На панели значилось: «Техас Инструментс. Модель ТИ-99/4А». Справа, где лежала голова Клюга, на клавиатуре темнело кровавое пятно.

– Только то, что он сидел перед этой машиной. – Я коснулся клавиши, и экран дисплея тут же заполнился словами. Я быстро отдернул руку, потом вгляделся в текст.

НАЗВАНИЕ ПРОГРАММЫ: ПРОЩАЙ, РЕАЛЬНЫЙ МИР. ДАТА: 20. 08 СОДЕРЖАНИЕ: ЗАВЕЩАНИЕ, РАЗНОЕ. ПРОГРАММИСТ: ЧАРЛЬЗ КЛЮГ ДЛЯ ВКЛЮЧЕНИЯ ПРОГРАММЫ НАЖМИТЕ ВВОД

В конце предложения мерно пульсировал маленький черный квадратик. Позже я узнал, что он называется «курсор».

Все собрались вокруг машины. Хал, специалист по компьютерам, пояснил, что многие дисплейные устройства стирают изображение, оставляя экран пустым, если в течении десяти минут никто не меняет выведенную на нем информацию. Делается это для того, чтобы экран дисплея не выгорал там, где светятся слова. До того как я коснулся клавиши, экран был зеленым, а потом появились черные буквы на голубом фоне.

– Клавиатуру проверяли на отпечатки пальцев? – спросил Осборн.

Никто толком не знал, поэтому Осборн взял карандаш и ластиком на его конце нажал клавишу «ВВОД».

Текст с экрана исчез, голубой фон заполнили маленькие овальные фигурки, падающие сверху, словно дождевые капли. Сотни и сотни фигурок самых разных цветов.

– Это же пилюли, – удивленно произнес один из полицейских. – Вот, смотрите, «Кваалуд»! А это «Нембутал»!

Все наперебой принялись называть лекарства. Я сам сразу узнал белую капсулу с красным ободком – наверняка «Дилантин». Вот уже несколько лет как я принимаю их каждый день.

В конце концов дождь из пилюль прекратился, и эта дьявольская машина принялась наигрывать «Все ближе к тебе, мой Господь» в три инструментальные партии.

Некоторые из нас рассмеялись. Не думаю, что хоть кому-то происходящее показалось забавным, но эта мрачная панихида звучала словно аранжировка для свистка, каллиопы и дудки. Как тут не засмеяться?

Пока играла музыка, в левом краю экрана появилась маленькая, сложенная из квадратиков фигурка. Подергиваясь, она двинулась к центру. Изображение напоминало человечка из видеоигры, только выполнено оно было похуже, и чтобы узнать в фигурке человека, требовалось напрячь воображение.

Потом в центре экрана появился еще какой-то предмет. Человечек остановился напротив него, согнулся, и под ним возникло что-то напоминающее стул.

– А что это такое?

– Компьютер, наверное.

Похоже, это действительно был компьютер, потому что человечек вытянул вперед руки и задергал ими, как пианист у рояля. Человечек печатал, а над ним появлялись слова.

> ГДЕ-ТО В ПУТИ Я ЧТО-ТО УПУСТИЛ. Я СИЖУ ЗДЕСЬ ДНЯМИ И НОЧАМИ, КАК ПАУК В ЦЕНТРЕ СВОЕЙ ПАУТИНЫ… Я ХОЗЯИН ВСЕГО ОБОЗРИМОГО… И ВСЕ ЖЕ ЭТОГО НЕДОСТАТОЧНО.
> ДОЛЖНО БЫТЬ БОЛЬШЕ.
> ВВЕДИ СВОЕ ИМЯ

– Боже, – произнес Хал. – Невероятно… Интерактивное предсмертное письмо…

– Надо узнать, что дальше.

Я стоял ближе всех к клавиатуре, так что я и набрал свое имя. Но, подняв глаза, увидел, что сделал опечатку, и получилось «ВИКТ9Р».

– Как исправить? – спросил я.

– Зачем? – сказал Осборн, протянул руку и нажал клавишу «ВВОД».

> ЗНАКОМО ЛИ ТЕБЕ ТАКОЕ ЧУВСТВО, ВИКТ9Р?
> ТЫ РАБОТАЕШЬ ВСЮ ЖИЗНЬ, ЧТОБЫ УМЕТЬ ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, ЛУЧШЕ ДРУГИХ, НО ОДНАЖДЫ ТЫ ВДРУГ ПРОСЫПАЕШЬСЯ И НЕ МОЖЕШЬ ПОНЯТЬ, ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО.
> СО МНОЙ ИМЕННО ТАК И ПРОИЗОШЛО.
> ХОЧЕШЬ УЗНАТЬ ДАЛЬШЕ, ВИКТ9Р?
> ДА/НЕТ

Текст лился нескончаемым потоком. Клюга это, видимо, смущало, во всяком случае, после каждого периода из сорока – пятидесяти слов он предоставлял читателю выбор «ДА/НЕТ».

Я переводил взгляд с экрана на клавиатуру, куда упал головой Клюг, и представлял себе, как он сидит в этой комнате один и вводит текст.

Он писал, что ощущает подавленность, что не может так дальше жить. Он принимал слишком много пилюль (на экране вновь посыпались сверху разноцветные овальные фигурки), жизнь его стала бесцельной. Он сделал все, что собирался сделать.

Временами мы просто не понимали, что он имел в виду. Клюг писал, например, что он не существует, но мы сочли это просто образным выражением.

ТЫ ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ВИКТ9Р? ЕСЛИ НЕТ, ТО СКОРО ПОЛИЦИЯ ЗДЕСЬ ПОЯВИТСЯ. ПОЭТОМУ СООБЩАЮ ТЕБЕ, ИЛИ ПОЛИЦЕЙСКОМУ: Я НЕ ПРОДАВАЛ НАРКОТИКИ, ЛЕКАРСТВА, КОТОРЫЕ ХРАНЯТСЯ У МЕНЯ В СПАЛЬНЕ, Я ИСПОЛЬЗОВАЛ ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИЧНЫХ НУЖД.
Я ПРИНИМАЛ ИЗ ОЧЕНЬ МНОГО, НО ТЕПЕРЬ ОНИ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ ПОНАДОБЯТСЯ.
НАЖМИТЕ ВВОД $

Осборн нажал клавишу, и в противоположном конце комнаты, напугав нас всех до смерти, затрещал принтер. Я наблюдал, как головка носится туда-обратно, печатая текст в обоих направлениях, когда Хал закричал, показывая на экран дисплея:

– Смотрите! Смотрите сюда!

Человечек на экране встал и повернулся к нам. В руке он держал что-то похожее на пистолет, дуло приставлено к голове.

– Нет! – невольно вскрикнул Хал.

Маленький человечек не обратил на него никакого внимания. Раздался неестественный звук выстрела, человечек упал на спину. По экрану побежала красная струйка, принтер затих. На дисплее остался только маленький черный труп, лежащий на спине, и слово * * * ВСЕ * * * под ним.

Я глубоко вздохнул и посмотрел на Осборна. Сказать, что он был недоволен, значит, ничего не сказать.

– Что там насчет наркотиков в спальне? – спросил он.

Мы наблюдали, как Осборн копается в ящиках столов и тумбочек, заглядывает под кровать, и все без толку. Как и в других комнатах, здесь было полно компьютеров, от них через пробитые в стенах отверстия уходили пучки проводов.

Я стоял рядом с большой круглой коробкой из картона, их было несколько в комнате, в таких коробках обычно пересылают вещи. Крышка у коробки съехала чуть в сторону, и я приподнял ее. О чем тут же пожалел.

– Осборн, – позвал я. – Посмотрите-ка сюда.

В коробке был мешок из плотного полиэтилена, на две трети заполненный капсулами «Кваалуда». Полицейские сразу же поотдирали крышки с остальных коробок и обнаружили капсулы амфетаминов, «Нембутал», «Валиум» и еще много всякого.

После этой находки в доме опять появилось множество полицейских. Телевизионщики тоже вернулись.

Среди всей этой кипучей деятельности меня никто не

замечал. Я проскользнул к себе в дом и запер дверь. Время от времени я выглядывал из-за занавесок и видел, как репортеры берут интервью у соседей. Хал тоже там крутился и, похоже, наслаждался всеобщим вниманием. Дважды люди с телевидения стучали мне в дверь, но я не открывал, и в конце концов все они ушли.

Я наполнил ванну горячей водой и отмокал целый час. Затем включил отопление на максимум и забрался в постель под груду одеял.

И все равно меня всю ночь била дрожь.

На следующий день часам к девяти явился Осборн. За ним вошел Хал. Выглядели они совсем невесело, и я, догадавшись, что полиция работала всю ночь, приготовил им кофе.

– Почитайте-ка, – сказал Осборн и протянул мне лист компьютерной распечатки. Я надел очки и стал читать.

Текст был отпечатан этим жутким шрифтом от игольчатой головки. Обычно я выбрасываю подобные вещи в камин не читая, но на сей раз сделал исключение.

Передо мной лежало завещание Клюга. Мне пришло в голову, что с этой бумагой юристам придется несладко.

Клюг снова утверждал, что он не существует, поэтому у него не может быть родственников, а все свое состояние он решил отдать тому, кто этого заслуживает.

«Но кто этого заслуживает?» – вот каким вопросом он задавался. Конечно же, не мистер и миссис Перкинс, живущие через четыре дома: они постоянно избивают детей. В доказательство этого Клюг ссылался на судебные постановления в Буффало и в Майами, а также на дело, возбужденное местными властями.

Миссис Рэндор и миссис Полонски, живущие пятью домами дальше, распускают слухи.

Старший сын Андерсонов угоняет автомашины.

Мариан Флоренс сжульничала на выпускных экзаменах по алгебре.

Совсем неподалеку жил тип, который крепко надул городские власти, взяв подряд на строительство шоссе. Жена одного из соседей путалась с коммивояжерами, а две другие завели себе постоянных любовников. Один подросток сделал своей подружке ребенка, бросил ее и расхвастался об этом приятелям.

Целых двенадцать пар, живущих по соседству, скрывали часть доходов от налогового управления.

У соседей, живущих за домом Клюга, постоянно лает собака.

Здесь я готов согласиться: эта собака и мне не давала заснуть ночами. Но все остальное… просто немыслимо! Прежде всего,

какое право имеет человек, незаконно хранящий двести галлонов наркотиков, судить своих соседей так строго? Конечно, избивать детей нехорошо, но можно ли обливать грязью всю семью за то, что сын крадет автомобили? И потом, откуда Клюг все это узнал?

Впрочем, там было еще кое-что. В частности, о гуляющих мужьях. Среди прочих фигурировал Гарольд Хал Ланьер, который в течении трех лет встречался с женщиной по имени Тони Джонс – они служили вместе в центре обработки информации лос-анджелесской полиции. Она подталкивала его к разводу, а он ждал «удобного момента, чтобы рассказать все жене».

Я взглянул на Хала: его покрасневшее лицо подтверждало прочитанное.

И тут до меня дошло! Что же Клюг узнал обо мне? Я пробежал глазами страницу, выискивая свою фамилию, и обнаружил ее в самом последнем параграфе.

«… Тридцать лет мистер Апфел расплачивается за ошибку, которую он не совершал. Я, пожалуй, не предложил бы его кандидатом в святые, но ввиду отсутствия за ним явных грехов – а в данной ситуации этого достаточно – я оставляю всю свою законную собственность Виктору Апфелу».

Я взглянул на Осборна: он смотрел на меня внимательно и оценивающе.

– Но мне ничего не нужно!

– Вы полагаете, что это то самое вознаграждение, которое упомянул Клюг?

– Должно быть, – сказал я. – А что еще?

Осборн вздохнул и сел в кресло.

– По крайней мере, он не пытался завещать вам наркотики. Вы по-прежнему утверждаете, что совсем его не знали?

– Вы меня в чем-то подозреваете?

– Мистер Апфел, – сказал он, разводя руками, – я просто задаю вопросы. В делах о самоубийствах никогда нет уверенности на все сто. Может быть, произошло убийство. И если это так, то вы пока единственный известный нам человек, который оказался в выигрыше.

– Но он для меня совсем чужой!

Осборн кивнул, постукивая пальцем по распечатке. Мне захотелось, чтобы она куда-нибудь провалилась.

– Кстати, что это за… ошибка, которую вы не совершали?

Я так и думал, что этот вопрос будет следующим.

– Во время войны в Корее я попал в плен.

Осборн какое-то время обдумывал мой ответ. Я ударил рукой по подлокотнику кресла, вскочил на ноги и поймал на себе взгляд его обманчиво усталых глаз.

– Похоже, прошлое до сих пор сильно вас волнует.

– Это не так легко забывается.

– Хотите что-нибудь рассказать мне о тех временах?

– Дело в том, что все… Нет. Я ничего не хочу говорить. Ни вам, ни кому другому.

– Мне придется задать вам еще кое-какие вопросы относительно смерти Клюга.

– Я буду отвечать только в присутствии адвоката.

«Боже! Теперь еще и адвоката искать…» Осборн снова кивнул, потом поднялся и направился к двери.

– Я уже списал дело на самоубийство, – сказал он, – и единственное, что меня беспокоило, это отсутствие предсмертной записки. Теперь мы ее получили.

Он махнул рукой в сторону дома Клюга, и на лице его появилось сердитое выражение.

– Но этот тип не только написал записку, но и запрограммировал ее в своем чертовом компьютере вместе с целой кучей видеоэффектов. Я, положим, давно уже не удивляюсь, когда люди выделывают всякие сумасшедшие вещи, – достаточно всего повидал. Но услышав, как компьютер играет церковный гимн, я понял, что здесь убийство. Сказать по правде, мистер Апфел, я не думаю, что это сделали вы. В одной только моей распечатке несколько десятков мотивов. Может быть, он шантажировал соседей. Может, именно так он купил себе всю аппаратуру. Опять же, люди, имеющие наркотики в таких количествах, редко умирают своей смертью. Мне предстоит много работы, но я узнаю, кто это сделал.

Он пробормотал что-то о невыезде и ушел.

– Вик… – произнес Хал, и я взглянул на него. – Я насчет распечатки. Я был бы тебе благодарен… Они сказали, что сохранят все в тайне… Ты понимаешь, о чем я?

Только тогда я заметил, что у него глаза, как у таксы.

– Отправляйся домой, Хал, и ни о чем не беспокойся.

Он кивнул головой и двинулся к выходу.

– Не думаю, что все это получит огласку, – сказал он.

На самом деле, конечно, вышло наоборот.

Возможно, это случилось бы и без писем, которые начали приходить через несколько дней после смерти Клюга. Писем со штемпелями Трентона, штат Нью-Джерси, переданных с компьютера, который так и не удалось проследить. О том, что Клюг лишь упомянул в своем завещании, в них говорилось во всех подробностях.

Тогда, однако, я ничего об этом не знал. После того, как ушел Хал, я залез в постель под электроодеяло, но никак не мог согреть

ноги. Вставал я, только чтобы сделать сандвич или полежать в горячей ванне.

Несколько раз в дверь стучали репортеры, но я не отзывался. На следующий день я позвонил Мартину Абрамсу, адвокату, в телефонном справочнике он значился первым, и договорился, что он будет представлять мои интересы. Он сказал, что меня, возможно вызовут в полицейский участок. Я ответил, что никуда не поеду, проглотил две капсулы «Дилантина» и завалился в постель.

Раз-другой с улицы доносилось завывание сирены, и еще я расслышал крик: кто-то с кем-то громко спорил. Усилием воли я заставил себя не высовываться. Да, любопытство мучило меня, но вы сами знаете, что случается с любопытными…

Я ждал возвращения Осборна, но он все не приходил. Дни шли, превращаясь в неделю, и за это время произошло только два события, достойных внимания.

Первое началось со стука в дверь через два дня после смерти Клюга. Я выглянул из-за занавески и увидел припаркованный на обочине серебристый «Феррари». Разглядеть, кто стоит у дверей, я не мог, и поэтому спросил, кто там.

– Меня зовут Лиза Фу, – ответила какая-то женщина. – Вы меня приглашали.

– Я вас не помню.

– Это дом Чарльза Клюга?

– Нет. Вам в соседний дом.

– О, извините.

Я решил предупредить ее, что Клюга уже нет в живых, и открыл дверь. Женщина обернулась и улыбнулась совершенно ослепительной улыбкой.

Просто не знаю, с чего начать описание Лизы Фу. Помните то время, когда с газетных страниц не сходили карикатуры на Хирохито и Тодзио, а «Таймс» без всякого смущения употреблял слово «джап»? Маленькие человечки с круглыми, как футбольный мяч, лицами; уши, словно ручки от кувшинов; очки с толстыми стеклами; два больших, как у кролика, передних зуба и тоненькие усики…

Если не считать усов, то она просто сошла вот с такой карикатуры. Очки, зубы… На зубах стояла скобка, они напоминали клавиши пианино, обмотанные проволокой… Ростом она была пять футов и восемь или девять дюймов, а весила не больше 110 фунтов. Я бы сказал даже сто, но добавил по пять фунтов на каждую грудь, настолько большую при ее тоненькой фигурке, что надпись на майке читалась как «РОСК LIVE», и только когда она поворачивалась боком, я мог разглядеть две

буквы «S» по краям.

Лиза Фу протянула мне изящную тонкую руку.

– Похоже, мы некоторое время будем соседями, – сказала она. – По крайней мере, пока я не разберусь с этим логовом дракона на соседнем участке.

Если у нее и чувствовался какой-то акцент, то скорее из долины Сан-Фердинандо.

– Очень приятно.

– Вы его знали? Я имею в виду Клюга. Так он по крайней мере себя называл…

– А вы думаете, это его не настоящая фамилия?

– Сомневаюсь. «Клюг» по-немецки означает «умный». А на жаргоне хакеров это «хитрец» или «ловкач», что к Клюгу относится в полной мере. Хотя серый процессор у него определенно барахлил. – Она многозначительно постучала пальцем себя по виску. – «Вирусы», «фантомы» и «демоны» выскакивают каждый раз, когда люди из полиции пытаются подключиться к его системам, матобеспечение потухает, битовые корзины переполняются…

Она говорила и говорила, но для меня все это звучало как суахили.

– Вы хотите сказать, что в его компьютерах прячутся демоны?

– Точно.

– Тогда им нужен будет изгоняющий злых духов.

Она ткнула большим пальцем себя в грудь, показав одновременно еще пол-акра зубов, и сказала:

– Это я и есть. Однако мне надо идти. Заскакивайте повидаться в любое время.

Второе интересное событие недели произошло днем позже: по почте пришло уведомление из банка. На мой счет поступило три суммы. Первая – обычный чек из Управления по делам инвалидов войны на 487 долларов. Вторая сумма в 392 доллара 54 цента – проценты на деньги, оставленные мне родителями пятнадцать лет назад.

Третий вклад был переведен двадцатого, в тот день, когда умер Клюг. 700 083 доллара 04 цента.

Через несколько дней ко мне заглянул Хал Ланьер.

– Ну и неделька! – произнес он, плюхнулся на диван и начал рассказывать.

Оказывается, в нашем квартале зарегистрирована еще одна смерть. Письма, переданные с неизвестного компьютера, вызвали множество неприятностей, особенно после того, как полиция стала ходить по домам и допрашивать всех подряд. Кое-кто, почувствовав, что круг сжимается, покаялся в своих грехах.

Женщина, развлекавшая коммивояжеров, пока ее муж был на работе, призналась ему в неверности, и тот ее застрелил. Теперь он сидел в тюрьме округа. Это, пожалуй, самое плохое из того, что произошло, но случались происшествия и помельче, от драк, до выбитых стекол. По словам Хала, налоговое управление собиралось устроить в нашем районе специальную проверку.

Я подумал о семистах тысячах восьмидесяти трех долларах.

И четырех центах.

Промолчал, но почувствовал, как у меня холодеют ноги.

– Ты, наверное, хочешь знать, что там у нас с Бетти, – сказал наконец он.

Я не хотел. Не хотел знать вообще ничего об этом, но попытался изобразить на лице соответствующее выражение.

– Все кончено, – произнес он, удовлетворенно вздыхая. – Я имею в виду между мной и Тони. Я все рассказал Бетти. Несколько дней было очень плохо, но теперь, думаю, наш брак стал еще крепче. – Он замолчал на некоторое время, наслаждаясь теплом происшедших перемен.

Еще он хотел рассказать мне о том, что они узнали о Клюге, и пригласить меня к себе пообедать, но я вежливо отказался от обоих предложений, сославшись на старые раны, которые меня совсем замучили. И я уже почти выпроводил его, когда в дверь постучал Осборн. Я впустил его, и Хал тоже остался.

Предложение выпить кофе было с благодарностью принято. Выглядел Осборн как-то иначе, и сначала я не мог понять, в чем дело: то же самое усталое выражение лица… Впрочем, нет. Раньше мне казалось, что это маска или цинизм, присущий полицейским. Но в тот день в его лице читалась подлинная усталость. Она перетекала с лица на плечи и руки, передавалась походке и манере сидеть. Его окутывало тяжелое ощущение поражения.

– Меня по-прежнему подозревают? – спросил я.

– Хотите знать, надо ли приглашать адвоката? Не стоит беспокоиться. Я тщательно проверил вас. Завещание Клюга едва ли будет принято всерьез, так что ваши мотивы выглядят сомнительно. На мой взгляд, у любого из местных торговцев кокаином было гораздо больше причин убрать Клюга, чем у вас. – Он вздохнул. – Я просто хотел кое о чем спросить. Можете не отвечать, если не хотите.

– Давайте попробуем.

– Вам не запомнились какие-либо необычные его посетители? Люди, приходившие или уходившие ночью?

– Единственное, что я помню, это служебные машины. Почта, «Федерал Экспресс», компании по доставке грузов… Наркотики

могли прибывать со всеми этими людьми.

– Мы тоже так думаем. Едва ли он работал по мелочам. Возможно, он служил посредником. Получил, передал… – Осборн на какое-то время задумался и отхлебнул кофе.

– Есть какие-нибудь успехи в расследовании? – спросил я.

– Хотите знать правду? Дело заходит в тупик. Никто в округе и понятия не имел, что Клюг располагает всей этой информацией. Мы проверили банковские счета и нигде не обнаружили доказательств шантажа. Нет, соседи в картину не вписываются. Хотя, конечно, если бы Клюг остался в живых, сейчас его с удовольствием прихлопнул бы почти любой из тех, кто живет по соседству.

– Это точно, – сказал Хал.

Осборн ударил себя ладонью по ляжке.

– Если бы мерзавец остался в живых, я сам бы его убил, – сказал он.

– Но теперь я начинаю думать, что он никогда не был жив.

– Не понимаю.

– Если бы я своими глазами не видел труп… – Осборн сел чуть прямее.

– Он писал, что не существует. И это почти так. В электрогазовой компании о нем никогда не слышали. Клюг подключен к их линии, сотрудник компании каждый месяц снимал показания со счетчиков, но компания никогда не выставляла ему счетов. То же самое с телефоном. У него дома целый коммутатор, который изготовлен телефонной компанией, доставлен и установлен ею же, но у них нет об этом никаких сведений. Клюг не открывал счета ни в одном из банков Калифорнии – похоже, он ему просто не был нужен. Мы обнаружили около сотни компаний, которые продали и доставили ему то или иное оборудование, а затем либо сделали отметку о том, что счет оплачен, либо напрочь забыли, что вообще имели с ним дело. В некоторых фирмах зафиксированы номера чеков и счетов, но ни сами счета, ни даже банки физически не существуют.

Он откинулся в кресле, и я почувствовал, что это его просто бесит.

– Единственный, кто имел о Клюге представление, это человек, который доставлял ему раз в месяц продукты из бакалейной лавки. Маленький магазинчик неподалеку отсюда. У них нет компьютера, Клюг платил чеками банка «Уэллс Фарго». Там эти чеки принимали к оплате, и никаких проблем не возникало. Хотя о Клюге там никогда не слышали.

Я задумался. Осборн ждал от меня какой-то реакции, и я

высказал предположение:

– Он делал все это с помощью компьютеров?

– Верно. То, что он проворачивал с бакалейной лавкой, я еще понимаю. Но гораздо чаще Клюг проникал прямо в базовое программное обеспечение и затирал все сведения о себе. Энергокомпания никогда не получала платежей ни чеками, ни как-то иначе просто потому, что, по их мнению, они никогда и ничего Клюгу не продавали. Ни одно правительственное учреждение никогда и ничего о Клюге не знало. Мы проверили все, от почтового ведомства до ЦРУ.

– А что если Клюг – не настоящая фамилия?

– Возможно. Но в ФБР нет его отпечатков пальцев. Рано или поздно мы узнаем, кто он такой, но это ни на йоту не приблизит нас к ответу на вопрос, что произошло – убийство или самоубийство.

Осборн признал, что испытывает определенное давление. Его убеждают закрыть дело, хотя бы ту часть, что касается смерти Клюга, и списать все на самоубийство. Он, однако, в самоубийство не верил. А что касается второй половины истории, всех этих махинаций Клюга, то их расследование никто прекращать пока не собирается.

– Теперь все зависит от этой стрекозы, – сказал Осборн.

– Жди, – фыркнул Хал и пробормотал что-то про азиатов.

– Эта девушка все еще здесь? Кто она такая?

– Какая-то компьютерная звезда из Калифорнийского технологического. Мы связались с ними, сообщили, какие у нас проблемы, и вот кого они нам прислали.

По лицу Осборна нетрудно было понять, что ни на какую помощь с ее стороны он не рассчитывает.

В конце концов мне удалось от них избавиться. Когда они уходили по садовой дорожке, я взглянул в сторону дома Клюга: возле него стоял серебристый «Феррари» Лизы Фу.

Ходить туда мне было совершенно незачем. Я прекрасно это знал, и потому занялся ужином. Когда я готовлю запеканку из тунца по собственному рецепту, она гораздо лучше, чем можно судить по названию. Потом я вышел во двор за овощами для салата. Я срывал помидоры и думал о том, что надо бы охладить бутылку белого вина, и тут мне пришло в голову, что наготовил я вполне достаточно для двоих.

Я никогда не делаю ничего наспех, поэтом я сел и обдумал эту мысль. В конце концов меня убедили ноги: впервые за всю неделю им было тепло. И я отправился к дому Клюга.

Решетки за открытой настежь дверью не оказалось, и мне подумалось, как странно и тревожно выглядит незакрытое,

незащищенное жилище. Остановившись на крыльце, я заглянул внутрь и позвал:

– Мисс Фу?

Никто не ответил. В прошлый раз, зайдя в этот дом, я обнаружил мертвого человека…

Лиза Фу сидела на скамеечке от рояля прямо перед консолью компьютера. Она сидела в профиль ко мне, поджав коричневые ноги, я видел ее спину и пальцы, зависшие над клавиатурой. На экране быстро пробегали слова. Она подняла голову и сверкнула зубами в улыбке.

– Кое-кто сообщил мне, что вас зовут Виктор Апфел, – сказала она.

– Да, э-э-э… дверь была открыта…

– Жарко, – пояснила она и оттянула двумя пальцами майку у шеи. – Чем могу быть полезна?

– Да в общем-то… – Сделав шаг в полутьме, я споткнулся обо что-то на полу. Это была плоская коробка вроде тех, в которых доставляют на дом большие порции пиццы. – Я готовил ужин и понял, что там хватит на двоих, и тогда подумал, может быть вы…

Я замолчал растерянно, потому что в этот момент заметил кое-что еще. Вначале мне показалось, что она сидит в шортах; на самом же деле кроме майки и узеньких розовых трусов от купальника на ней ничего не было. Ее, похоже, это совершенно не смущало.

– … Присоединитесь ко мне за ужином?

Ее улыбка стала еще шире.

– С удовольствием, – ответила она, легко вскочив на ноги и пронеслась мимо меня, оставляя за собой слабый запах пота со сладковатым оттенком мыла.

– Я вернусь через минуту.

Я оглядел комнату, но мои мысли все время возвращались к Лизе. Пиццу она, видимо, запивала пепси – на полу валялось множество пустых банок. Пепельницы стояли чистые… Клюг, вероятно, курил, Лиза – нет. Четко обрисовывались при ходьбе мышцы ее икр. На пояснице у нее росли крошечные мягкие волоски, едва заметные в зеленом свете экрана. Я слышал, как журчит вода в раковине, смотрел на желтые странички блокнота, исписанные в манере, которую я не встречал уже много лет, ощущал запах мыла и думал о ее коричневой с легким пушком коже и легкой походке.

В гостиную она вернулась уже в джинсах с обрезанными штанинами, сандалиях и новой майке. На старой значилось «БЭРРОУЗ ОФФИС СИСТЕМЗ». На этой же, чистой и пахнущей

свежевыстиранным хлопком, изображались Микки-Маус и замок Белоснежки, причем уши Микки-Мауса вытягивались назад по верхнему склону груди. Я двинулся за Лизой на улицу.

– Как мне нравится ваша кухня! – сказала она.

Раньше я никогда не обращал внимания на обстановку своей кухни. Ее словно перенесли в капсуле времени со страниц «Лайфа» начала пятидесятых годов. В углу стоял старенький покатый холодильник, крышки столов были покрыты желтой плиткой, которую сейчас можно увидеть только в ванных комнатах. На кухне вообще не было ни грамма пластмассы. Вместо посудомоечной машины у меня стояла двойная раковина и проволочная сушилка. Ни электрооткрывателя для банок, ни уплотнителя для мусора, ни микроволновой печи… Самой новой вещью был, пожалуй, смеситель, купленный пятнадцать лет назад. Я умею и люблю работать руками. Люблю чинить.

– Хлеб просто бесподобный! – воскликнула Лиза.

Хлеб я испек сам. Она подобрала остатки подливки хлебной коркой и спросила, можно ли взять добавки.

Насколько я понимаю, подбирать коркой подливку – дурной тон, но меня это ничуть не волновало: я сам всегда так делаю. Впрочем, во всем остальном ее манеры были безупречны. Она умяла три порции моей запеканки, после чего тарелку можно было и не мыть. Создалось впечатление, что она едва сдерживает свой чудовищный аппетит.

Лиза откинулась в кресле, и я подлил вина в ее бокал.

– Вы уверены, что не хотите больше горошка?

– Я лопну. – Она удовлетворенно похлопала себя по животу. – Большое спасибо, мистер Апфел. Я уже лет сто не ела домашней пищи.

– Можете звать меня Виктором.

– Я так люблю американскую кухню.

– А я и не знал, что она существует. Я имею в виду, как китайская или… Вы американка?

Она улыбнулась.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, Виктор. Да, гражданство у меня американское, но родилась я не здесь… Извините, я на минуточку. С этими скобками мне приходится чистить зубы, как только поем.

Я пустил воду в раковину и взялся за тарелки. Через некоторое время Лиза присоединилась ко мне, схватила кухонное полотенце и, невзирая на мои протесты, стала вытирать посуду.

– Вы живете здесь один? – спросила она.

– Да. С тех пор, как умерли мои родители.

– Вы были женаты? Если это не мое дело, так и скажите.

– Ничего. Я никогда не был женат.

– Для холостяка вы неплохо справляетесь с хозяйством.

– Большая практика. Можно мне задать вопрос?

– Валяйте.

– Откуда вы? Тайвань?

– У меня способности к языкам. Дома я говорила на «пиджин-американ», но, оказавшись здесь, быстро выучилась говорить правильно. Еще я говорю по-французски, правда, довольно паршиво, по-китайски, на четырех-пяти диалектах, но совершенно безграмотно, чуть-чуть по-вьетнамски и знаю тайский ровно настолько, чтобы сказать: «Моя хотеть видеть американский консул, быстро-очень-чертпобери, эй ты!».

Я рассмеялся: последнюю фразу она произнесла с жутким акцентом.

– Здесь я уже восемь лет. Вы догадались, где это «дома»?

– Вьетнам?

– Точно. Сайгон.

– А я принял вас за японку.

– Когда-нибудь я вам о себе расскажу… Виктор, а там за дверью стиральная машина?

– Точно.

– Я не слишком вам помешаю, если кое-что постираю?

Конечно, она мне не мешала. Семь пар джинсов – некоторые с отрезанными штанинами – и две дюжины маек с рисунками вполне сошли бы за мальчишеский гардероб, если бы к ним не прилагались еще всякие полупрозрачные предметы.

Потом мы отправились на задний двор посидеть в последних лучах заходящего солнца, и она захотела взглянуть на мой огород. Предмет моей гордости. Когда я чувствую себя хорошо, я провожу там по нескольку часов, обычно по утрам, причем круглый год. На юге Калифорнии это возможно.

Ей все понравилось, хотя огород выглядел не лучшим образом: последние дни я проводил либо в постели, либо в горячей ванне, и на грядках повылезали сорняки.

– Когда я была маленькой, я тоже работала на огороде, – сказала Лиза.

– И еще два года на рисовых плантациях.

– Видимо, там все по-другому.

– Еще бы, черт побери. Несколько лет после этого я не могла даже смотреть на рис.

Мы разговаривали о разных вещах. Не помню уже с чего, но я рассказал ей, что воевал в Корее. Узнал, что ей двадцать пять лет и что дни рождения у нас совпадают, так что несколько месяцев назад мне исполнилось ровно вдвое больше, чем ей.

Имя Клюга всплыло в разговоре только один раз, когда Лиза упомянула, что очень любит готовить, но в доме моего соседа это совершенно невозможно.

– В гараже у него стоит морозильник, забитый всякими замороженными обедами, – сказала она. – В доме одна тарелка, одна вилка, одна ложка и один стакан. Плюс микроволновая печь – самая лучшая модель из тех, что можно встретить в каталогах. И все. На кухне больше ничего нет. – Она покачала головой.

– Он был явно со странностями.

Лиза разделалась со стиркой уже к вечеру. Она переложила белье в плетеную корзину, и мы отправились развешивать его на веревках. Я встряхивал очередную майку и разглядывал картинку и надпись. Иногда я сразу понимал, о чем речь, иногда нет. Там были рок-группы, карта Лос-Анджелеса, снимки из «Звездного пути»… Всего понемногу.

– А что такое «Общество L 5»? – спросил я.

– Это парни, которые хотят построить в космосе орбитальные фермы. Я спросила, собираются ли они выращивать там рис, а они ответили, что рис, по их мнению, не самая лучшая культура для условий невесомости, и тогда я эту майку купила.

– И сколько же их у тебя?

О-о! Должно быть, сотни четыре или пять.

На следующий день почта принесла мне письмо из адвокатской конторы в Чикаго. О семистах тысячах долларов. Оказывается, деньги перевела мне арендная компания в Делавэре, основанная в 1933 году для того, чтобы обеспечить мою старость. Основателями числились мои родители. Кое-какие долгосрочные вклады созрели, что и привело к моему недавнему финансовому взлету. Налоги, как оказалось, были уже уплачены.

Полная ерунда. У моих родителей никогда не было таких денег. Я вернул бы их, если бы только знал, у кого Клюг их украл.

Потом я решил, что через год, если не окажусь к тому времени в тюрьме, отдам эти деньги на благотворительность. Может быть, в «Фонд спасения китов». Или «Обществу L 5».

Все утро я провел в саду. Затем сходил в магазин и купил немного говядины и свинины. Покупки я нес домой в складной проволочной корзине и чувствовал себя просто отлично. Проходя мимо серебристого «Феррари», я улыбнулся.

Лиза еще не приходила за выстиранным бельем. Я снял его с веревки, сложил и отправился к дому Клюга.

– Это я – Виктор.

– Входи.

Лиза сидела там же, где и в прошлый раз, но одета была уже не так легкомысленно. Увидев у меня в руках корзину с бельем,

она хлопнула себя по лбу и бросилась ее забирать.

– Извини, Виктор. Я собиралась…

– Ничего, – сказал я. – Мне не в тягость. И кроме того, у меня появилась возможность пригласить тебя на ужин еще раз.

Что-то в ее лице изменилось, но она быстро с собой справилась. Может быть, «американская» кухня понравилась ей гораздо меньше, чем она говорила, а может быть, дело было в поваре…

– Конечно, Виктор, с удовольствием. Давай корзину. И открой, пожалуйста, шторы, а то здесь как в гробнице.

Лиза торопливо удалилась в другую комнату. Открывая шторы, я заметил, как подъехала машина Осборна. Потом вернулась Лиза. На очередной майке значилось название магазина, где продают фантастическую литературу. Под надписью расположилось приземистое существо с волосатыми ножками. Лиза выглянула в окно и заметила приближающегося Осборна.

– Итак, Ватсон, – произнесла она, – к нам пожаловал инспектор Лейстрейд из Скотланд-Ярда. Впустите его, пожалуйста.

Я рассмеялся, и Осборн подозрительно уставился на меня, едва вошел в комнату.

– Здравствуйте, Апфел, – начал он. – Мы наконец-то узнали, кто такой Клюг на самом деле.

– Патрик Уильям Гэвин, – сказала Лиза.

У Осборна отвисла челюсть и довольно долго он не мог справиться с собой. Потом все-таки закрыл рот, но тут же открыл его снова:

– Откуда вы это узнали, черт побери?

Лиза ласково погладила клавиатуру компьютера.

– Я получила эти данные, как только они поступили в вашу контору сегодня утром. Там у вас в компьютере сидит маленькая потайная программка, которая шепчет мне кое-что на ухо всякий раз, когда в материалах упоминается фамилия «Клюг». Однако для меня это было лишним. Пять дней назад я уже знала все.

– Тогда почему вы… почему вы ничего не сказали?

– Вы не спрашивали.

Некоторое время они смотрели друг на друга в упор. Я понятия не имел, какие события предшествовали этой конфронтации, но и так было ясно, что большой любви они друг к другу не испытывают. Сейчас Лиза выиграла раунд и, похоже, ей это доставило удовольствие.

– Если припоминаете, вы пригласили меня потому, что у ваших людей ничего не получилось. Когда я начала работу,

система программ уже была повреждена и практически парализована. Ваши люди не могли ничего поправить, и вы решили, что вреда от меня во всяком случае не будет. А вдруг я смогу расколоть коды Клюга, не разрушив систему окончательно? Я это сделала. Вам нужно было только прийти и спросить. Я завалила бы вас тоннами распечаток.

Осборн внимательно слушал. Возможно, он даже понял, что ошибался в своей оценке.

– Что вы узнали? Могу я посмотреть сейчас?

Лиза кивнула и нажала несколько клавиш. На дисплее перед ней и на том, возле которого стоял Осборн, появился текст. Я подошел к терминалу и начал читать.

Текст представлял собой краткую биографию Клюга/Гэвина.

Возраста он был примерно того же, что и я, но в то время, когда в меня стреляли далеко от дома, он старательно делал карьеру в только-только родившейся области производства компьютеров. Он работал в ведущих исследовательских центрах, и меня удивило, что на установление его личности потребовалось больше недели.

– Все эти данные я собрала довольно просто, – рассказывала Лиза пока мы читали. – Первое, что вы должны понять о Гэвине, это то, что сведений о нем нет ни в одной компьютерной информационной системе. Поэтому я начала обзванивать людей во всех концах страны… Кстати, у него очень любопытный телефонный комплекс: в нем для каждого звонка генерируется новый исходный номер, и вы не можете ни перезвонить обратно, ни проследить, откуда вам позвонили. Так вот, я начала расспрашивать про всех ведущих специалистов в этой области в пятидесятые и шестидесятые годы, и мне назвали множество имен. После чего мне оставалось лишь узнать, кого теперь нет в информационных досье. Свою смерть Гэвин сфабриковал в 1967 году, я даже обнаружила один отчет об этом событии в старых газетных подборках. Все люди, которые знали Гэвина, знали и о его смерти. Во Флориде есть настоящее – на бумаге – свидетельство о рождении, но других документов, касающихся личности Гэвина, я не нашла. Он не оставил в нашем мире никаких следов. Мне это показалось достаточно убедительным доказательством.

Осборн дочитал текст до конца и поднял глаза.

– Очень хорошо, мисс Фу. Что еще вам удалось узнать?

– Я расколола некоторые из его кодов. Мне повезло, потому что я сумела влезть в базовую программу, которую Гэвин написал, чтобы атаковать чужие программы. Я использовала ее против кое-каких его собственных творений. Еще мне удалось

проникнуть в файл, содержащий ключи и заметки о том, где и как они используются. Кое-чему я от него научилась. Но это только надводная часть айсберга.

Она махнула рукой в сторону молчаливых металлических «мыслителей», расставленных по всей комнате.

– То, что вы видите перед собой, – это самое хитрое электронное оружие среди всего, что человечеству удалось пока создать. Система бронирована не хуже какого-нибудь крейсера. И она обязана быть такой, поскольку в мире полным-полно хитрых сторожевых программ, которые вцепляются, подобно терьерам, в любого непрошенного гостя и держат его мертвой хваткой. Если же они все-таки добирались сюда, с ними расправлялся уже Клюг, но большей частью никто не подозревал, что он взломал их защиту и проник в машину. Клюг напоминал крылатую ракету – быструю, маневренную, летящую над самой землей, и свои атаки он направлял сразу с нескольких сторон. Конечно, в наши дни большие информационные системы хорошо защищены, в них используются пароли и очень сложные коды. Но Клюг участвовал в разработке большинства из этих систем. Нужен дьявольски хитрый замок, чтобы не пустить в дом того, кто делал замки всю жизнь. Опять же, Клюг помогал устанавливать многие крупные системы, и еще тогда он оставил в программном обеспечении своих тайных информаторов. Если коды менялись, компьютер сам передавал информацию об этом в какую-нибудь надежную машину, откуда ее позже вычерпывал Клюг. Это как если бы вы купили огромного, злющего, отлично выдрессированного сторожевого пса, а на следующую ночь приходит тот тип, который его дрессировал, гладит пса по голове и грабит ваш дом подчистую…

И в таком вот духе. Когда Лиза начинала говорить о компьютерах, девяносто процентов сказанного до меня просто не доходило.

– Я хотела бы кое-что узнать, Осборн, – сказала Лиза.

– Что именно?

– Зачем я здесь? Чтобы раскрутить за вас это дело? Или с вас хватит того, что я приведу систему в такое состояние, когда с ней сможет работать любой грамотный пользователь?

Осборн задумался.

– Меня беспокоит, – добавила она, – что я постоянно попадаю в засекреченные банки данных. Боюсь, в один прекрасный день кто-нибудь вышибет дверь и наденет на меня наручники. Вас это тоже должно беспокоить, потому что кое-кому в кое-каких организациях может не понравиться, если в их дела будет соваться обыкновенный полицейский из какого-то там отдела по

борьбе с особо опасными преступлениями.

При этих словах Осборн вскинул голову.

– А что мне делать? – огрызнулся он. – Упрашивать вас остаться?

– Нет. Мне достаточно вашего разрешения. Не обязательно даже в письменном виде. Просто подтвердите, что одобряете продолжение работ.

– Послушайте, что я вам скажу. Если говорить об интересах округа Лос-Анджелес и штата Калифорния, то дома Клюга вообще не существует. Здесь нет участка. Он не зафиксирован в документах. С точки зрения закона, этого места просто нет. И если кто-то вправе дать вам разрешение на работу с материалами Клюга, так это именно я, а я по-прежнему считаю, что здесь было совершено убийство. Так что продолжайте работать.

– Не очень-то надежная защита, – задумчиво сказала Лиза.

– А чего бы вы хотели? Ладно, что еще вам удалось обнаружить?

Лиза повернулась к клавиатуре и принялась печатать. Вскоре заработал принтер. Сложив распечатку, Осборн собрался было уходить, но не удержался и уже в дверях остановился, чтобы дать последние указания.

– Если обнаружите какую-то информацию, доказывающую, что это было не самоубийство, дайте мне знать.

– О'кей. Это было не самоубийство.

Осборн поначалу не понял.

– Мне нужны доказательства.

– У меня они есть, только вам они, скорее всего, не подойдут. Эту глупую предсмертную записку писал не Клюг.

– Откуда вы знаете?

– Я поняла это в первый же день, как только дала машине команду распечатать программу, а потом сравнила ее стиль со стилем Клюга. Это не его программа. Она выполнена предельно компактно. Ни одной лишней строчки. Клюг выбрал себе такой псевдоним неспроста. Вы знаете, что означает «Клюг»?

– Умный, – вставил я.

– Буквально – да. Но это еще и… нечто чрезмерно сложное. Нечто такое, что работает исправно, но по непонятным причинам… У нас говорят – «клюговать» ошибки в программе…

– И что?

– Программы Клюга выглядят просто жутко. Там полно соплей, которые он не удосужился подчистить. Но он был гением, и его программы работают безукоризненно, хотя вас и не покидает недоумение, как же это они все-таки работают. Служебные программы у него так написаны, что у меня мурашки

по спине бегали, когда я с ними разбиралась. Жуть! Но по-настоящему хорошее программирование такая редкость, что его недоделки выглядят лучше, чем та гладкая чепуха, которую пишут середнячки.

Подозреваю, что Осборн понял из сказанного примерно столько же, сколько и я.

– Короче, ваше мнение основано на оценке стиля программирования?

– Да. К сожалению, пройдет еще лет десять, если не больше, прежде чем суд будет принимать такие вещи всерьез, как, скажем, анализ почерка или дактилоскопию. Но если вы понимаете что-нибудь в программировании, вам достаточно одного взгляда. Предсмертную записку написал кто-то другой, и вот этот кто-то, кстати, чертовски силен. Записка вызывала завещание как подпрограмму, и вот его то, без сомнения, написал Клюг. Он там, можно сказать, всюду оставил свои отпечатки. Последние пять лет он шпионил за соседями ради удовольствия, влезал в военные информационные банки, школьные записи, налоговые файлы и банковские счета. А каждый телефон в радиусе трех кварталов он превратил в подслушивающее устройство. Чудовищное любопытство…

– Он упоминал где-нибудь, зачем он это делал? – спросил Осборн.

– Думаю, он просто рехнулся. Возможно, он был психологически неуравновешен и склонен к самоубийству – все эти капсулы с наркотиками здоровья ему, конечно, не прибавляли. Он готовился к смерти, и Виктор оказался единственным, кого он счел достойным наследства. Если бы не эта записка, я бы поверила, что Клюг покончил с собой. Но он ее не писал. В этом я готова поклясться.

В конце концов мы избавились от Осборна и я отправился домой заниматься обедом. Когда все было готово, пришла Лиза и снова с огромным аппетитом накинулась на еду.

Потом я сделал лимонад и мы устроились в моем маленьком патио, наблюдая, как сгущается вокруг нас вечер.

Проснулся я посреди ночи, весь в поту. Сел в постели, обдумывая события прошедшего дня. Выводы мне совсем не понравились. Поэтому я надел халат, шлепанцы и отправился к дому Клюга.

Входная дверь снова оказалась открытой настежь, но все равно я постучал. Лиза выглянула из гостиной.

– Виктор? Что-нибудь случилось?

– Не уверен, – сказал я. – Можно войти?

Она кивнула, и я прошел за ней в комнату. У консоли стояла

открытая банка пепси. Лиза уселась на свою скамеечку, я заметил, что глаза у нее покраснели.

– Что случилось? – спросила она еще раз и зевнула.

– Тебе, наверное, надо поспать, – сказал я.

Она пожала плечами и кивнула.

– Да-а. Я никак не попаду в фазу, и сейчас у меня дневной настрой. Хотя я привыкла работать в любое время и подолгу… Надеюсь, ты пришел не для того, чтобы сказать мне об этом?

– Нет. Ты уверена, что Клюга убили?

– Предсмертную записку писал не он. Следовательно, остается убийство.

– Я долго думал, за что его могли убить. Он никогда не выходил из дома, так что, видимо, его убили за то, что он сделал что-то такое здесь, со своими компьютерами. А теперь ты… Честно говоря, я не знаю, что именно ты делаешь, но, похоже, ты влезаешь в те же самые дела. Что если эти люди вернутся?

Она вскинула брови.

– Какие люди?

Я растерялся. Опасения мои оформились недостаточно четко и выглядели, наверное, не очень-то убедительно.

– Не знаю… Ты говорила… какие-то организации…

– Значит, ты заметил, как отреагировал на это Осборн? Он решил, что Клюг наткнулся на какую-нибудь тайную операцию, или что люди из ЦРУ убили его, когда он узнал о чем-то секретном, или…

– Не знаю, Лиза. Но я испугался. Вдруг то же самое случится с тобой?

Она неожиданно улыбнулась.

– Спасибо, Виктор. Я не хотела признаваться при Осборне, но меня это тоже беспокоит.

– И что ты собираешься делать?

– Остаться и продолжать работу. Я пыталась придумать, как бы себя обезопасить, но в конце концов решила, что тут ничего не сделаешь.

– Но хоть что-то можно предпринять…

– У меня есть пистолет, если ты это имеешь в виду. Но подумай сам. Клюга убрали среди белого дня. Никто не видел, чтобы кто-то входил в дом. И я спросила себя: кто способен прийти днем, застрелить Клюга, запрограммировать предсмертную записку и уйти, не оставив никаких следов?

– Кто-то очень опытный и хитрый.

– Вот именно. Настолько опытный и хитрый, что едва ли у меня будет шанс помешать ему, если он решит разделаться со мной.

И ее слова, и ее равнодушие к собственной судьбе меня просто потрясли. Но все же она признала, что беспокоится.

– Тогда нужно прекратить все это. Уехать отсюда.

– Ну уж нет. Я не позволю, чтобы меня гоняли туда-сюда, – ответила она, и я уловил в ее голосе жесткую нотку.

Я подумал о том, что мог бы сказать еще кое-что, но не стал.

– По крайней мере… запирай входную дверь, ладно?

Она рассмеялась и поцеловала меня в щеку.

– Обещаю. И я очень благодарна тебе за заботу. Очень.

Я подождал, пока она закроет за мной дверь, и, услышав как щелкнул замок, побрел через освещенный луной двор к своему дому. На полпути я остановился, сообразив, что мог бы предложить ей переночевать в моей второй спальне. Или остаться с ней в доме Клюга.

Но потом решил не делать этого из боязни, что она неправильно меня поймет.

Только оказавшись в постели, я понял с огорчением и некоторым презрением к самому себе, что у нее были все основания понять меня неправильно.

И это при том, что я ровно в два раза старше ее.

Утро я провел на огороде, планируя меню на вечер. Мне всегда нравилось готовить, но ужины с Лизой стали для меня самым радостным событием дня. Более того, я уже считал их обязательными. Поэтому, когда около полудня я выглянул на улицу и увидел, что ее машины нет на месте, мне стало не по себе.

Я торопливо пошел к дому Клюга. Дверь была открыта настежь. Осмотрев дом, я ничего особенного не обнаружил, только в спальне на полу были аккуратно разложены стопки ее одежды. Все еще дрожа, я постучал в дом Ланьеров. Открыла Бетти и сразу заметила, что я чем-то встревожен.

– Та девушка в доме Клюга… – сказал я. – Что-то произошло. Может быть, нам позвонить в полицию?

– А что случилось? – спросила Бетти, глядя поверх моего плеча. – Похоже, она еще не вернулась.

– Что ты имеешь в виду?

– Я видела, как она уехала с час назад. Машина у нее что надо!

Чувствуя себя полным идиотом, я попытался сделать вид, будто ничего особенного не произошло, однако успел заметить, каким взглядом посмотрела на меня Бетти. Словно ей хотелось погладить меня по голове или что-то вроде того. Я почувствовал, что начинаю злиться.

Лиза оставила одежду, значит, она должна вернуться.

Продолжая уверять себя, что это действительно так, я забрался в ванну с обжигающе горячей водой.

Услышав стук, я открыл дверь и увидел Лизу. С пакетами в обеих руках и с обычной ослепительной улыбкой на лице.

– Я собиралась сделать это еще вчера, но забыла и вспомнила, только когда ты пришел. Мне так хотелось сделать тебе сюрприз, что я съездила и купила кое-что, чего нет у тебя ни в саду, ни на кухне…

Она продолжала говорить, пока мы выгружали из пакетов съестное. Я молчал. На Лизе была новая майка, надпись на которой гласила: V + L–I. Я нарочно не стал спрашивать, что это означает.

– Ты любишь вьетнамскую кухню?

Я взглянул на нее, и только теперь до меня дошло, что она очень взволнована.

– Никогда не пробовал, – сказал я. – Но я люблю китайскую, японскую и индийскую. Я вообще люблю пробовать все новое.

В последней части я покривил душой, но не так чтобы очень сильно: хотя иногда я и пробую новые рецепты, но вкусы в еде у меня в общем-то вполне католические.

– Не представляю, что у меня получится, – засмеялась она. – Моя мать была наполовину китаянкой. Так что сегодня на ужин будет нечто беспородное.

Она подняла глаза и, увидев мое лицо, снова рассмеялась.

– Я забыла, что ты бывал в Азии. Не бойся, собачьего мяса я готовить не буду.

Единственное, что было совершенно невыносимо, это палочки. Я мучился с ними, сколько мог, потом отложил в сторону и взял вилку.

– Извини, – сказал я, – но это мне не под силу.

– Ты вполне прилично с ними управлялся.

– Было время научиться.

Каждое новое блюдо воспринималось мною как откровение: ничего подобного я в жизни не пробовал.

– Ты меня боишься, Виктор?

– Поначалу боялся.

– Из-за моего лица?

– Просто обобщенная азиатофобия. Наверное, я все-таки расист. Против своей воли.

Она кивнула. Мы снова сидели в патио, хотя солнце уже давно скрылось за горизонтом. Я не могу припомнить точно, о чем мы говорили прежде, но, во всяком случае, нам было интересно.

– У вас, американцев, комплекс по поводу расизма. Как будто

вы его изобрели, и никто другой, кроме, может быть ЮАР и нацистов, не знает толком, что такое расизм на практике. Вы не в состоянии отличить одно желтое лицо от другого и считаете все желтые нации монолитным блоком. Хотя на самом деле у азиатов расовая ненависть ох как сильна. – Она задумалась, потом добавила:

– Как я ненавижу Камбоджу, ты бы знал! Я бежала туда из Сайгона и на два года попала в трудовые лагеря. Наверное, мне надо ненавидеть только этого подонка Пол Пота, но мы не всегда властны над своими чувствами…

На следующий день я зашел к ней около полудня. На улице похолодало, но в ее темной пещере еще держалось тепло.

Лиза рассказала мне кое-что о компьютерах, но когда она дала мне поработать с клавиатурой, я быстро запутался, и мы решили, что мне едва ли стоит планировать для себя карьеру программиста.

Одно из приспособлений, которое она мне показала, называлось «модем». С его помощью Лиза могла связываться с любыми другими компьютерами практически во всем мире. Когда я пришел, она как раз общалась с кем-то в Станфорде, с человеком, которого она никогда не видела и знала только по его позывному «Bable-Sorter». С жуткой скоростью они перебрасывались своими компьютерными словечками. Под конец Bable-Sorter напечатал «Bye-I». В ответ Лиза напечатала «T».

– Что означает «T»? – спросил я.

– «True». В смысле «да», но обычное «да» для хакера слишком прямолинейно.

– А что такое «Bye-I»?

– Это вопрос. Добавляешь к слову «I», и получается вопрос. «Bye-I» означает, что Bable-Sorter спрашивает, закончен ли наш разговор.

Я задумался и посмотрел на ее майку, потом – в глаза, серьезные и спокойные. Она ждала, сложив руки на коленях.

V + L–I

– Да, сказал я. – Да.

Лиза положила очки на стол и стянула майку через голову.

К вечеру мы решили, что Лизе стоит перебраться в мой дом. Кое-какие операции ей необходимо было выполнять у Клюга, но остальное она вполне могла делать у меня с помощью переносного терминала и охапки дисков. Мы выбрали один из лучших компьютеров, дюжину периферийных устройств и установили все это хозяйство в одной из моих комнат.

Конечно же, мы оба понимали, что этот переезд вряд ли спасет нас, если те, кто прикончил Клюга, решат заняться Лизой.

Но все-таки я почувствовал себя спокойнее, и она, надеюсь, тоже.

На следующий день к дому подкатил грузовой фургон, и двое парней принялись выгружать оттуда здоровенную кровать.

– Слушай, – сказал я, – ты случайно не воспользовалась компьютерами Клюга чтобы…

Лиза расхохоталась.

– Успокойся. Как ты считаешь, отчего я могу позволить себе «Феррари»?

– Признаться, я задавал себе этот вопрос.

– Если человек действительно умеет писать хорошие программы, он может зарабатывать очень много денег. У меня есть собственная компания, но ни один хакер не откажется от возможности познакомиться с каким-нибудь новым трюком. Кое-какие из приемов Клюга я когда-то применяла сама.

– А сейчас? Нет?

Лиза пожала плечами.

– Единожды солгавши…

Спала Лиза мало.

Мы поднимались в семь, и я готовил завтрак. Час-другой мы работали в огороде. Потом Лиза отправлялась в дом Клюга, и около полудня я приносил ей сандвич. Потом я заглядывал к ней несколько раз, но скорее ради собственного спокойствия, и никогда не оставался дольше минуты. Днем я отправлялся за покупками или занимался домашними делами, а часов в семь мы по очереди принимались за приготовление ужина. Я учил ее американской кухне, а она меня всему понемногу. Иногда она жаловалась, что в Америке не продают каких-то необходимых ей продуктов. Имелось в виду, конечно, не собачье мясо, хотя Лиза утверждала, что знает отличные рецепты из обезьян, змей и крыс. Я никогда не мог понять, шутит она или говорит всерьез, однако от вопросов воздерживался.

После ужина она оставалась в моем доме. Мы часто и подолгу говорили.

Очень ей понравилась моя ванна. Пожалуй, это единственное изменение, которое я сделал в доме, и мой единственный предмет роскоши. Я поставил эту ванну в 1975 году, для нее пришлось расширять ванную комнату.

Дурных привычек она не имела, по крайне мере таких, которые не совпадали бы с моими. Аккуратная. Любит чистоту. Переодевалась во все свежее дважды в день и ни разу не забывала в раковине невымытую чашку. В ванной после нее всегда оставался полный порядок.

В течении следующих двух недель Осборн заходил трижды. Лиза принимала его у Клюга и рассказывала то, что ей удалось

узнать.

– У Клюга был однажды счет в Нью-Йоркском банке, где лежало девять триллионов долларов, – рассказала мне Лиза после очередного визита Осборна.

– Я думаю, он сделал это просто из желания узнать, пройдет у него такой трюк, или нет. Он оставил эту сумму на одни сутки, снял проценты и сбросил их на другой счет, в банке на Багамах, а потом уничтожил основной капитал. Все равно он был фиктивным.

Осборн в свою очередь рассказывал ей, что нового в расследовании убийства. Впрочем, нового они не узнали практически ничего, так что он делился своими соображениями относительно собственности Клюга, ситуация с которой по-прежнему оставалась неясной. Различные организации присылали своих людей для осмотра дома. Приезжала команда из ФБР, собиралась взять расследование в свои руки. Однако Лиза обладала удивительной способностью затуманивать людям мозги, рассказывая им о компьютерах. Сначала она объясняла свои действия, но в такой форме, что ее никто не мог понять. Иногда этого оказывалось достаточно. Если же нет, она вставала со своего места и предоставляла посетителям возможность самим справиться с творениями Клюга. После чего те с ужасом наблюдали, как вся информация на диске вдруг стиралась и на экране появлялась надпись «Ты – глупое дерьмо!».

– Я бессовестно надуваю их, – призналась мне Лиза. – Я даю им только то, что они и сами узнают, потому что я через это уже прошла. Потеряла я около сорока процентов хранимой Клюгом информации. Но другие теряют все сто. Ты бы видел их лица, когда Клюг подбрасывал им очередную логическую бомбу! Тот тип швырнул принтер ценой в три тысячи долларов через всю комнату, а потом пытался подкупить меня, чтобы я никому об этом не говорила.

Какое-то федеральное агентство послало к ней эксперта из Станфорда, и тот в полной уверенности, что рано или поздно расколет коды Клюга, начал стирать все подряд. Лиза показала ему, как Клюг забирался в главный компьютер налогового управления, но «забыла» упомянуть, как он оттуда выбирался. Эксперт тут же вляпался в сторожевую программу и, сражаясь с ней, стер, как оказалось, все налоговые записи с буквы «S» до буквы «W». По крайней мере, с полчаса Лиза держала его в уверенности, что это действительно так.

– Я думала, у него сердечный приступ, – сказала она мне. – Весь побелел и молчит. Я сжалилась и показала ему, куда предусмотрительно переписала всю эту информацию, потом

объяснила, как запихнуть ее на место и как утихомирить сторожевую программу. Из дома он пулей вылетел. Скоро он поймет, конечно, что такой объем информации можно уничтожить в один миг разве что динамитом, потому что существуют дублирующие системы и у скорости обработки есть предел. Но сюда, я думаю, он больше не вернется.

– Все это похоже на какую-то замысловатую видеоигру, – сказал я.

– В каком-то смысле, да. Похоже на бесконечную серию запертых комнат, в которых прячется что-то страшное. Каждый шаг – это огромный риск, и за один раз можно сделать лишь сотую долю шага. Ты должен спрашивать чужую машину примерно так: «На самом деле это не вопрос, но если вдруг мне придет в голову спросить (чего я вовсе не собираюсь делать) о том, что случится, если бы я посмотрел на эту вот дверь (я даже не трогаю ее; меня нет даже в соседней комнате), то что бы ты в таком невероятном случае предпринял?». Программа все это перемалывает, решает, заслуживаешь ли ты тортом по физиономии, а потом либо швыряет в тебя этот торт, либо делает вид, что переходит с позиции А на позицию А1. Тогда ты говоришь: «Ну, предположим, я действительно посмотрел на эту дверь», после чего иногда она отвечает: «Ты подглядывал!» – и все летит к чертям.

Возможно, выглядит такое объяснение глуповато, но, по-моему, это была самая удачная из попыток Лизы объяснить мне, чем она все-таки занимается.

– Ты им все рассказываешь?

– Нет, не все. Я не упомянула про четыре цента.

– Лиза, я не хотел этих денег, не просил и жалею, что…

– Успокойся, все будет в порядке.

– У Клюга все это было зафиксировано?

– Да, и на расшифровку его записей я потратила уйму времени.

– Ты давно узнала?

– Про семьсот тысяч? Это оказалось в первом же диске, что я расколола.

– Я хочу вернуть эти деньги.

Она задумалась и покачала головой.

– Сейчас, Виктор, избавиться от этих денег будет опасней, чем оставить их у себя. Когда-то это были вымышленные деньги, но теперь у них своя история. В налоговом управлении полагают, будто им известно, откуда деньги взялись. Налоги на эту сумму выплачены. Штат Делавэр считает, что их перевела тебе реально существующая корпорация. Адвокатской конторе в Иллинойсе

уплачено за оформление процедуры перевода. Банк платит тебе проценты. Я не стану уверять, что вернуться назад и стереть все записи невозможно, но я не хотела бы этим заниматься. Я неплохо знаю свое дело, однако у Клюга был особый дар, которым я, увы, не обладаю.

– Как ему все это удалось? Ты сказала «вымышленные деньги». Разве такое возможно? Он их что, с потолка брал?

Лиза нежно погладила свой компьютер.

– Вот они, деньги, – сказала она, и глаза ее заблестели.

Ночью, чтобы не беспокоить меня, Лиза работала при свече, и это обстоятельство сыграло для меня роковую роль. На клавиатуре она работала вслепую, а свеча ей требовалась только для того, чтобы находить нужные дискеты.

Так я и засыпал каждую ночь, глядя на ее хрупкую фигурку в теплом сиянии свечи. Золотистый свет на золотистой коже…

«Тощая», – сказала она как-то про себя. Лиза действительно была худа, я видел ее ребра, когда она сидела на скрещенных ногах, втянув живот и задрав подбородок. Иногда она замирала надолго, опустив руки, потом кисти ее вдруг взлетали вверх, словно для того, чтобы с силой ударить по клавишам. Но клавиш она всегда касалась легко, почти беззвучно. Мне казалось, что это скорее йога, чем программирование. И сама Лиза говорила, что в состоянии медитации ей работается лучше всего.

Никто не назвал бы ее лицо красивым. И, пожалуй, мало кто сказал бы, что оно привлекательно. Наверное, это из-за скобок на зубах: они отвлекали внимание. Однако мне она казалась красивой.

Я перевел взгляд с нее на свечу. Какое-то время смотрел на пламя, потом попытался отвести глаза, и не смог. Со свечами иногда случается – не знаю, почему – они вдруг начинают мигать, хотя пламя остается вертикальным. Оно подскакивает и опускается вверх-вниз, вверх-вниз, ритмично, разгораясь все ярче и ярче…

Я попытался позвать Лизу, но свеча все пульсировала, и я уже не мог говорить… Я задыхался, всхлипывал, хотел закричать громко, сказать, чтобы она не волновалась.

И тут я почувствовал тошноту…

Во рту ощущался вкус крови. Я попробовал вздохнуть. В комнате горел верхний свет.

Лиза стояла на коленях, склонившись надо мной, и я почувствовал, как на лоб мне упала слеза. Я лежал рядом с кроватью, на ковре.

– Виктор, ты меня слышишь?

Я кивнул. Изо рта у меня торчала ложка, и я ее выплюнул.

– Что случилось? Тебе уже лучше?

Я снова кивнул и попытался заговорить.

– Лежи, лежи. Я вызвала врача.

– Не надо врача.

– Они все равно уже едут. Лежи спокойно…

– Помоги мне подняться.

– Еще рано. Тебе нельзя.

Она оказалась права. Я попытался сесть и тут же упал обратно на спину. В дверь позвонили.

Каким-то образом Лиза отделалась от бригады из скорой помощи, потом сварила кофе. Мы устроились на кухне, и она немного успокоилась. Был уже час ночи, но я все еще чувствовал себя неважно, хотя приступ оказался не самым страшным.

Я прошел в ванную, достал пузырек с «Дилантином», который спрятал, когда Лиза перебралась ко мне, и на ее глазах принял одну пилюлю.

– Я забыл сделать это сегодня, – сказал я.

– Потому что ты их спрятал. Глупо.

– Знаю.

Наверное, мне следовало сказать что-то еще, ее действительно задело то, что я не защищался, но, еще не придя в себя после приступа, я понимал все это с трудом.

– Ты можешь уйти, если захочешь, – сказал я. На редкость удачно.

Лиза тоже не осталась в долгу. Она перегнулась через стол и встряхнула меня за плечи, потом рассерженно заявила:

– Чтобы я больше этого не слышала!

Я кивнул и заплакал. Она меня не трогала, и это мне помогло. Она могла бы начать меня успокаивать, но обычно я неплохо справляюсь с собой сам.

– Давно это с тобой? – спросила она наконец. – Ты поэтому сидишь дома все тридцать лет?

– Отчасти, – сказал я, пожимая плечами. – Когда я вернулся с войны, мне сделали операцию, но стало только хуже.

– Ладно. Я сержусь на тебя, потому что ты ничего мне не сказал, и я не знала, что нужно делать. Ты должен мне рассказать, как поступать в случае чего. Тогда я не буду сердиться.

Наверное, тогда я мог все-все разрушить. Сам себе удивляюсь, отчего я так и не сделал. За долгие годы я выработал несколько безотказных методов ломать близкие отношения. Но, посмотрев ей в глаза, я себя переборол. Она действительно хотела остаться. Не знаю почему, но мне было этого достаточно.

– С ложкой ты ошиблась, – сказал я. – Если будет время и

если ты сумеешь сделать это так, чтобы я не откусил тебе пальцы, во время приступа нужно запихнуть мне в зубы кусок скомканной ткани. Угол простыни или еще что-нибудь. Но ничего твердого. – Я пощупал пальцем во рту. – Кажется, я сломал зуб.

– И поделом, – сказала Лиза.

Я посмотрел на нее, и мы об расхохотались. Она обошла вокруг стола, поцеловала меня и устроилась на моем колене.

– Опаснее всего то, что я могу захлебнуться. Когда приступ начинается, у меня своди все мышцы, но это ненадолго. Потом они начинают самопроизвольно расслабляться и сокращаться. Очень сильно.

– Знаю. Я пыталась тебя удержать.

– Никогда не делай этого. Переверни меня набок. Держись за моей спиной и смотри, чтобы я не задел тебя рукой. Если сможешь, сунь под голову подушку. И не подпускай меня к предметам, о которые я могу пораниться. – Я посмотрел ей в глаза. – И помни, пожалуйста, – все это ты можешь попытаться сделать, но если я слишком разойдусь, лучше отойти в сторону. Лучше для нас обоих. Если я вдруг ударю тебя так сильно, что ты потеряешь сознание, ты не сможешь помочь мне, и когда меня стошнит, я начну захлебываться.

Я все еще глядел ей в глаза. Она, должно быть, угадала, о чем я подумал, и едва заметно улыбнулась.

– Извини. Я понимаю. И мне неловко, знаешь… Потому что ты мог…

– Подавиться ложкой, да? Я действительно поступил глупо, согласен. Я могу прикусить язык или щеку с внутренней стороны, но это не страшно. Еще одна вещь…

Она ждала, а я никак не мог решить, надо ли ей все рассказывать. Вряд ли она смогла бы помочь, но мне не хотелось, чтобы она чувствовала себя виноватой, если я вдруг умру при ней.

– Иногда я ложусь в больницу. Бывает, что один приступ следует за другим. Если это будет продолжаться долго, я не смогу дышать, и мозг умрет от кислородного голодания.

– Для этого достаточно пяти минут, – встревоженно сказала она.

– Знаю. Но такое может быть, если приступы пойдут один за другим, так что у нас будет время подготовиться. Если я не оправлюсь от первого приступа и у меня тут же, без перерыва начнется следующий, или если ты заметишь, что я совсем не дышу три-четыре минуты, тогда вызывай скорую.

– Но ты же умрешь раньше, чем они приедут!

– Иначе я должен жить в больнице. А я больниц не люблю.

– Я тоже.

На следующий день Лиза взяла меня с собой покататься на «Феррари». Сначала я нервничал – боялся, что она начнет вытворять что-нибудь рискованное. Она, однако, вела машину слишком медленно, сзади нам то и дело сигналили. По тому, сколько внимания уделяла она каждому движению, я понял, что машину Лиза водит не так уж давно.

– «Феррари» у меня, наверное, просто закиснет, – призналась она по дороге. – Я никогда не гоню быстрее пятидесяти пяти.

Мы заехали в салон на Беверли-Хилс, и Лиза за какую-то несусветную цену купила слабенькую лампу на «гусиной шее».

В ту ночь я заснул с трудом. Наверное, боялся еще одного приступа, хотя новая лампа, что купила Лиза, вряд ли могла его вызвать.

Насчет этих самых приступов… Когда такое случилось со мной впервые, приступы называли еще «припадками». Потом уже появились «приступы», и какое-то время спустя слово «припадок» стало вроде как неприличным и оскорбительным.

Видимо, это признак старения, когда ты замечаешь, как меняется язык. Сейчас появилось столько новых слов… Многие из них – для вещей и понятий, которых просто не существовало, когда я был маленьким. Например, «матобеспечение».

– Что тебя привлекло в компьютерах, Лиза? – спросил я.

Она даже не шелохнулась. Работая с машиной, Лиза порой уходила в себя полностью. Я повернулся на спину, попытался заснуть и тут услышал:

– Власть.

Я поднял голову и взглянул на нее. Теперь она сидела лицом ко мне.

– Всем этим компьютерным штучкам ты научилась уже в Америке?

– Кое-чему еще там. Я тебе не рассказывала про своего капитана, нет?

– Кажется, нет.

– Странный человек. Я еще там это поняла. Мне тогда было четырнадцать. Этот американец почему-то мной заинтересовался. Снял мне хорошую квартиру в Сайгоне и отправил в школу.

Она смотрела на меня, словно ожидая какой-то реакции, но я молчал.

– Мне пошло это на пользу. Я научилась хорошо читать. Ну, а когда умеешь читать, нет ничего невозможного.

– В общем-то я и не спрашивал про твоего капитана. Я спросил, что привлекло тебя в компьютерах. Возможность зарабатывать на жизнь?

– Поначалу да. Но не только. За ними будущее, Виктор.

– Бог свидетель, я читал об этом достаточно.

– И это правда. И еще они дают власть, если ты знаешь, как ими пользоваться. Ты сам видел, на что был способен Клюг. С помощью компьютеров можно делать деньги. Я имею в виду не зарабатывать, я делать. Как если бы у тебя стоял печатный станок. Помнишь, Осборн упоминал, что дома Клюга не существует? Как ты это понимаешь?

– Он, наверное, повытирал все данные о доме из разных там блоков памяти.

– Это только первый шаг. Ведь участок должен быть зарегистрирован в земельных книгах округа, как ты полагаешь? Я хочу сказать, что в этой стране еще не перестали хранить информацию на бумаге.

– Значит, в земельных книгах округа дом зафиксирован.

– Нет. Страница с записью удалена.

– Не понимаю. Клюг никогда не выходил из дома.

– Древний прием. Клюг проник в компьютеризированный архив лос-анджелесского управления полиции и отыскал там некоего Сэмми. Потом послал ему банковский чек на тысячу долларов и письмо, в котором сообщалось, что Сэмми получит в два раза больше, если заберется в местный архив и сделает то-то и то-то. Сэмми не клюнул, не клюнули также некто Макджи и Молли Анджер. Но Малыш Билли Фипс клюнул и получил второй чек, как было обещано в письме. У них с Клюгом долгие годы оставались прекрасные деловые отношения. Малыш Билли теперь ездит в новеньком «Кадиллаке», причем он понятия не имеет, кто такой Клюг и где он жил. Клюга же совершенно не интересовало, сколько он тратил. Деньги он делал буквально из ничего.

Я обдумал услышанное. Действительно, когда у тебя полно денег, можно сделать почти все, а в распоряжении Клюга денег было предостаточно.

– Ты сказала Осборну про Малыша Билли?

– Я стерла этот диск так же, как стерла все упоминания о твоих семистах тысячах. Никогда не знаешь, когда тебе самому понадобится кто-нибудь вроде Малыша Билли.

– Ты не боишься, что у тебя из-за этого будут неприятности?

– Вся жизнь – это риск, Виктор. Самый лучший материал я оставляю себе. Не потому, что намерена им воспользоваться. Но если когда-нибудь такая вещь понадобится, а у меня ее не окажется под рукой, я буду чувствовать себя последней дурой.

Она наклонила голову в сторону, и глаза ее превратились в еле заметные щелочки.

– Скажи мне… Клюг выбрал тебя из всех соседей, потому что

целых тридцать лет ты вел себя, словно примерный бой-скаут. Как ты относишься к тому, что я делаю?

– Твое поведение я бы назвал восторженно-аморальным; правда тебе много пришлось пережить, и по большому счету ты вполне честна. Но мне жаль тех, кто встанет у тебя на пути.

Она ухмыльнулась.

– Восторженно-аморальна. Это мне нравится.

– Значит, ты занялась компьютерами потому, что у них есть будущее. А тебя никогда не беспокоит… как бы это сказать… Глупо, наверное, но… Как по-твоему, они не захватят над нами власть?

– Так все думают, пока сами не начинают пользоваться машинами, – ответила она. – Ты не представляешь, насколько они глупы. Без программ они ни на что не годятся. А вот во что я действительно верю, так это в то, что власть будет принадлежать людям, которым компьютеры подчиняются. Они уже захватывают власть. Поэтому-то я компьютерами и занимаюсь.

– Я не то имел в виду. Может быть, я неточно выразился.

Она нахмурилась.

– Клюга очень интересовала одна проблема. Он постоянно следил за тем, что делается в лабораториях, которые занимаются искусственным интеллектом, и много читал по неврологии. Я думаю, он пытался найти что-то общее…

– Между человеческим мозгом и компьютером?

– Не совсем так. Компьютеры представлялись ему нейронами. Клетками мозга. – Она показала рукой на свою машину. – Этой штуке или любому другому компьютеру до человеческого мозга – как до звезд. Компьютер не способен обобщать, делать выводы, изобретать. При хорошем матобеспечении может возникнуть впечатление, будто он что-то такое делает, но это иллюзия. Есть такое предположение, что, мол, когда мы наконец создадим компьютер, в котором будет столько же транзисторов, сколько нейронов в человеческом мозге, у него появится сознание. Я лично думаю, что это чушь. Транзистор не нервная клетка, квинтильон транзисторов ничем не лучше, чем дюжина. Так вот, Клюг, похоже, придерживался такого же мнения, и он начал искать общие свойства у нейронов и однобайтовых компьютеров. Потому-то у него дома и полно разного потребительского барахла – все эти «Trash-80», «Atari», «TI», «Sinclar». Сам он привык к куда более мощным машинам. Это все для него игрушки.

– И что он узнал?

– Похоже, ничего. Восьмиразрядная машина гораздо сложнее нейрона, но все равно ни один компьютер не выдерживает сравнения с человеческим мозгом. Если их вообще можно

сопоставлять. Да, «Atari» сложнее нейрона, но на самом деле их трудно сравнивать. Все равно, что направление с расстоянием или цвет с массой. Они разные. Но есть одна общая черта.

– Какая?

– Связи. Опять же, тут все по-разному, но принцип тот же. Нейрон связан со множеством других нейронов. Их триллионы, этих связей, и то, как передаются по ним импульсы, определяет, кто мы такие, что мы думаем и что помним. С помощью такого вот компьютера я тоже могу связаться с миллионами других компьютеров. Эта информационная сеть обширнее человеческого мозга, она содержит больше данных, чем все человечество в состоянии усвоить за миллион лет. Она тянется от «Pioner-10», который сейчас где-то за орбитой Плутона, до каждой квартиры, где есть телефон. С помощью этого компьютера ты можешь получить тонны сведений, которые когда-то были собраны, но некому было даже взглянуть на них, времени не хватало. И как раз это интересовало Клюга. Старая идея «критической компьютерной массы», когда компьютер обретает сознание, но он рассматривал эту идею под новым углом. Может быть, считал он, важен не размер компьютеров, а их количество. Когда-то компьютеры считали на тысячи, теперь – на миллионы. Их ставят уже в автомобили и в наручные часы. В каждом доме их несколько: от простенького таймера в микроволновой духовке до видеоигр и компьютерных терминалов. Клюг пытался выяснить, возможно ли набрать критическую массу таким путем.

– И к какому выводу он пришел?

– Не знаю. Он только начинал работу.

– Критическая масса… На что это может быть похоже? Мне кажется, должен возникнуть колоссальный разум. Такой быстрый, такой всезнающий. Всеобъемлющий. Почти богоподобный.

– Может быть.

– Но… не захватит ли он над нами власть? Кажется, я опять вернулся к тому вопросу, с которого начал. Не превратимся ли мы в его рабов?

Она надолго задумалась.

– Я не думаю, что мы того стоим. Зачем ему это? И потом, откуда нам знать, что ему будет нужно? Захочет ли он, чтобы его обожествляли? Сомневаюсь. Это скорее из фантастического фильма пятидесятых годов. Можно говорить о сознании, но что под этим термином понимать? Должно быть, амебы что-то осознают, да и растения тоже. Возможно даже, у каждого нейрона есть какой-то свой уровень сознания. Мы до сих пор не знаем, что такое наше сознание, откуда оно берется и куда уходит, когда мы умираем. А уж применять человеческие мерки к гипотетическому

сознанию, которое зародилось в глубинах компьютерной сети, так и вовсе глупо. Я, например, не представляю, как оно может взаимодействовать с человеческим сознанием. Не исключено, что оно просто не обратит на нас внимания, так же, как мы не замечаем отдельных клеток собственного организма, или нейтрино, пролетающих сквозь нас, или колебаний атомов в воздухе.

После этого ей пришлось объяснять мне, что такое нейтрино, и вскоре я уже забыл про наш мифический гиперкомпьютер.

– А что это за капитан? – спросил я через некоторое время.

– Ты в самом деле хочешь узнать?

– Скажем так, я не боюсь узнать.

– Вообще-то он майор. Получил повышение. Тебе интересно, как его зовут?

– Лиза, если не хочешь, то не рассказывай. Но если хочешь, тогда меня интересует, как он с тобой поступил.

– Он не женился на мне. Ты это имел в виду, верно? Он предлагал, когда понял, что умирает, но я его отговорила. Может быть, это был мой самый благородный поступок в жизни. А может быть, самый глупый. Незадолго до падения Сайгона я пыталась пробиться в американское посольство, но не сумела. Про трудовые лагеря в Кампучии я тебе уже говорила. Потом я попала в Таиланд, и, когда наконец добилась, чтобы американцы обратили на меня внимание, оказалось, что мой майор все еще разыскивает меня. Он и устроил мой переезд сюда. Я успела вовремя – он уже умирал от рака. Я провела с ним всего два месяца, все время в больнице.

– Господи! – У меня возникла ужасная мысль. – Это из-за войны?

– Нет. Во всяком случае, не из-за вьетнамской. Он был из тех, кому довелось увидеть атомные взрывы в Неваде с близкого расстояния. Он не жаловался, но я думаю, он знал, что его убивает.

Осборн появился через неделю. Выглядел он как-то пришибленно и без особого интереса слушал то, что Лиза решила ему рассказать. Взял приготовленные для него распечатки и пообещал передать их в полицию. Уходить не торопился.

– Полагаю, я должен сообщить это вам, Апфел, – сказал он наконец. – Дело Гэвина закрыли.

Я не сразу сообразил, что Гэвин – настоящая фамилия Клюга.

– Медэксперт установил самоубийство уже давно, и если бы не мои подозрения и ее слова, – он кивнул в сторону Лизы, – о предсмертной записке, я бы закрыл дело раньше. Но никаких доказательств у меня нет.

– Это, должно быть, произошло очень быстро, – сказала Лиза. – Кто-то заметил его, проследил, откуда он работает, – на этот раз Клюгу не повезло, – и прикончил его в тот же день.

– Вы не верите в самоубийство? – спросил я Осборна.

– Нет. Но того, кто это сделал, даже не в чем обвинить, если не появятся новые факты.

– Я сообщу вам, если кое-что всплывет, – пообещала Лиза.

– Тут есть одна загвоздка, – сказал Осборн. – Здесь вам работать уже нельзя. Дом со всем имуществом поступил в распоряжение властей округа.

– На этот счет не беспокойтесь, – мягко произнесла Лиза.

Пока она вытряхивала сигарету из пачки (Лиза курила, когда очень волновалась), все молчали. Она зажгла сигарету, затянулась, села, откинувшись назад, рядом со мной и посмотрела на Осборна с совершенно непроницаемым лицом. Осборн вздохнул.

– Не хотел бы я играть с вами в покер, леди, – сказал он. – Что значит «на этот счет не беспокойтесь»?

– Я купила этот дом четыре дня назад. Со всем, что в нем есть. И если я найду что-нибудь такое, что позволит вам вновь открыть дело об убийстве, то непременно сообщу.

Осборн был настолько ошарашен, что даже не разозлился.

– Хотел бы я знать, как в это провернули.

– Ничего незаконного, можете проверить. За все уплачено. Власти решили продать дом, я его купила.

– А что если я посажу на расследование этой сделки своих лучших людей? Может быть, они откопают левые деньги? Или мошенничество? Что если я обращусь в ФБР, чтобы они тоже этим занялись?

Лиза смотрела на него совершенно спокойно.

– Бога ради. Хотя, если честно, инспектор Осборн, я могла бы просто украсть этот дом и в придачу парк Гриффит вместе с автострадой, и не думаю, что вы сумели бы меня в чем-то уличить.

– Мне не нравится, что в ваших руках остаются все эти компьютерные штучки, особенно после того, как вы рассказали мне об их возможностях.

– Я и не ожидала, что вам понравится. Но это теперь не по вашей части, правильно? Дом был конфискован, местные власти не поняли, что у них в руках, и продали все целиком.

– Может быть, я сумею направить сюда людей для конфискации матобеспечения. Там есть доказательства нелегальных действий Клюга.

– Попытайтесь, – согласилась Лиза.

Довольно долго они смотрели друг на друга, не отводя глаз. Победила Лиза. Осборн устало потер веки и кивнул, затем тяжело поднялся на ноги и пошел к выходу. Лиза загасила сигарету, и мы продолжали сидеть, присушиваясь к звуку шагов Осборна, доносившемуся из-за двери.

– Меня удивляет, что он сдался так легко, – сказал я. – Как по-твоему, он будет добиваться конфискации?

– Маловероятно. Он знает расклад.

– Может, ты и меня просветишь?

– Ну, во-первых, это не его отдел, и он это понимает…

– Зачем ты купила дом?

– Тебе следует спросить, как я его купила.

Пристально посмотрев на нее, я заметил, что за непроницаемостью черт в ее лице проглядывает какая-то веселость.

– Лиза, что ты еще вытворила?

– Это как раз тот вопрос, который Осборн задал себе. Он угадал правильный ответ, потому что кое-что знает о машинах Клюга. И еще он знает, как и что делается в этом мире. Конечно, власти не случайно решили продать этот дом, и не случайно, что я оказалась единственным покупателем. Я использовала одного члена муниципального совета, из тех, кого Клюг приручил.

– Ты его подкупила?!

Она засмеялась и поцеловала меня.

– Кажется, наконец-то я вызвала у тебя возмущение. Вот где самое большое различие между мной и американцами! В Америке средний гражданин особенно много на взятки не тратит. В Сайгоне это делали все.

– Ты дала ему взятку?

– Не так прямо, конечно. Пришлось зайти с черного хода. Несколько совершенно легальных перечислений на предвыборную компанию вдруг появилось на счету одного сенатора, который упомянул некую ситуацию еще кое-кому, кто мог вполне законно провернуть мое дельце. – Она посмотрела на меня искоса.

– Конечно, я подкупила его, Виктор. Ты бы удивился, узнав, как дешево он мне обошелся. Тебя это беспокоит?

– Да, – признался я. – Мне не нравится это взяточничество.

– Ну а я отношусь к нему безразлично. Оно просто существует, как гравитация. Восхищаться тут, конечно, нечем, но таким образом можно сделать очень много и очень быстро.

– Я надеюсь, ты себя обезопасила?

– Более или менее. Когда дело касается взяток, никогда нельзя быть уверенным на все сто процентов. Человеческий фактор. Тот член муниципального совета может сболтнуть

лишнего, если окажется перед судом присяжных. Но, думаю, он не окажется, потому что Осборн не станет заниматься этим делом. Он знает, как устроен мир, знает, какой властью я обладаю, и знает, что ему меня не пересилить. Это вторая причина того, что он ушел сегодня без драки.

Мы долго молчали. Я хотел о многом поразмыслить, и то, о чем я размышлял, мне большей частью не нравилось. Лиза потянулась было за сигаретами, потом передумала. Она ждала, когда я приду к какому-нибудь выводу.

– Это огромная сила, – сказал я наконец.

– Страшная сила, – согласилась она. – Ты не думай, что меня она не пугает. Мне в голову тоже приходили всякие фантазии о сверхчеловеческом могуществе. Власть – это ужасное искушение, от нее не так-то легко отказаться. Я могла бы сделать очень многое.

– А станешь?

– Я не о том, что можно украсть или разбогатеть…

– Понимаю.

– Это власть политическая. Но как ей воспользоваться? Пусть это прозвучит банально, но я не знаю, как использовать ее во благо. Я слишком часто видела, как добрые намерения оборачивались злом. Боюсь, мне не хватит мудрости сделать что-то хорошее. И слишком велик шанс закончить так же, как Клюг. Но оставить эту затею я тоже не могу. Я все еще беспризорная девчонка из Сайгона. У меня хватает ума не пользоваться властью, кроме тех случаев, когда нет другого выхода. Но просто выбросить или уничтожить такие сокровища я тоже не могу. Ну не глупо ли?

Я не мог ответить на ее вопрос. Но у меня возникло недоброе предчувствие.

Всю следующую неделю меня грызли сомнения. Лиза знала о каких-то преступлениях, но не сообщала о них властям. Впрочем, это меня не особенно беспокоило. Другое дело, что она сама располагала возможностью совершить гораздо больше преступлений, и это вызывало у меня тревогу. Вряд ли она что-то такое планировала, у нее хватало ума использовать свои знания только для обороны. Но оборона в понимании Лизы охватывала слишком широкий круг действий.

Однажды вечером она не пришла к ужину вовремя. Я отправился к дому Клюга и застал ее за работой. Стеллаж длиной футов в девять опустел, диски и пленки лежали на столе. На полу стоял огромный пластиковый мешок для мусора, рядом с ним – магнит размером с футбольный мяч. На моих глазах Лиза взяла кассету с пленкой, провела ею по магниту и бросила в почти

наполненный мешок. Она посмотрела на меня, проделала такую же операцию с небольшой стопкой магнитных дисков, потом сняла очки и вытерла глаза.

– Так тебе будет лучше, Виктор? – спросила она.

– Что ты имеешь в виду? Я хорошо себя чувствую.

– Неправда. И я чувствую себя скверно. Мне больно делать то, что я делаю, но я должна. Ты не принесешь мне еще один мешок?

Я притащил мешок, затем помог ей снять с полок следующую порцию кассет и дисков.

– Ты собираешься все стереть?

– Не все. Я стираю досье Клюга и… кое-что еще.

– Ты не хочешь говорить мне, что именно?

– Есть вещи, которые лучше не знать, – мрачно ответила она.

В конце концов за ужином я убедил ее рассказать мне, в чем дело.

– Это страшно, – сказала она. – За последнее время я побывала во многих запретных местах. Клюг туда попадал по первому желанию, и мне до сих пор страшно. Грязные места. Там знают кое-какие вещи, про которые, как мне казалось раньше, я тоже хотела бы узнать.

Она вздрогнула, не решаясь продолжить.

– Ты имеешь в виду военные компьютеры? ЦРУ?

– С ЦРУ все началось. К ним попасть легче всего. Потом я забралась в компьютеры системы NORAD – это те парни, которые должны вести следующую мировую войну. И от того, с какой легкостью Клюг к ним забирался, у меня волосы дыбом встали. Просто ради практики он разработал методику начала Третьей мировой войны. Запись хранилась на одном из тех дисков, что мы уже стерли. А последние два дня я ходила на цыпочках вокруг действительно серьезных заведений. Разведывательное управление министерства обороны и NSA, Управление национальной безопасности. Каждое из них больше, чем ЦРУ. И меня там засекли. Какая-то сторожевая программа. Как только я поняла это, тут же дала ходу и пять часов подряд занималась тем, что заметала следы. Убедилась, что меня не отследили, и решила все уничтожить.

– Ты думаешь, Клюга убили они?

– Они на эту роль подходил лучше всего. Клюг держал у себя кучу их информации. Он помогал проектировать компьютерные комплексы в NSA и потом долгие годы шарил по их машинам. Тут достаточно одного неверного шага…

– Но ты все сделала как нужно? Ты уверена?

– Меня не отследили, это точно, но я не уверена, что уничтожила все записи. Пойду взгляну еще раз.

– Я с тобой.

Мы закончили после полуночи. Лиза просматривала диск или пленку, и если у нее возникало сомнение, передавала ее мне, а я обрабатывал магнитом. Один раз Лиза взяла магнит и провела им перед целой полкой с записями.

Меня охватило поразительное чувство. Одним движением руки она превратила в хаос миллиарды битов информации. Возможно, такой информации не было больше нигде. И у меня возникли сомнения. Имела ли она право делать это? Разве знания существуют не для всех? Но, должен признаться, сомнения мучили меня недолго. Старый консерватор во мне с легкостью соглашался, что есть Вещи, Которые Нам Лучше Не Знать.

Нам оставалось совсем немного, когда экран дисплея вдруг начал барахлить. Что-то несколько раз щелкнуло и зашипело. Лиза отскочила назад. Потом экран замигал. Мне показалось, что там появляется изображение. Что-то трехмерное. И уже почти уловив, что это, я случайно взглянул на Лизу. Она смотрела на меня, лицо ее освещалось пульсирующими вспышками света. Она подошла ко мне и закрыла ладонью мои глаза.

– Виктор, тебе не надо смотреть.

– Все в порядке, – сказал я, и, пока я говорил, все действительно было в порядке, но как только слова были произнесены, я почувствовал, что это не так. Это было последнее мое воспоминание за очень долгий срок.

Врачи сказали, что две недели я был на грани. Помню очень мало, потому что мне постоянно вводили большие дозы лекарств, а после коротких периодов просветления снова начинались приступы.

Первое, что я запомнил – лицо склонившегося надо мной доктора Стюарта. Я лежал на больничной койке. Позже я узнал, что нахожусь не в госпитале для ветеранов, а в частной клинике. Лиза уплатила за отдельную палату.

Стюарт задавал обычные вопросы, я отвечал, хотя чувствовал себя очень уставшим. Потом Стюарт ответил на несколько моих вопросов, и я узнал, как долго пробыл в больнице и что произошло.

– У вас начались непрерывные приступы. Честно говоря, не знаю почему. Уже лет десять такого не было, и мне казалось, что все опасности позади.

– Значит, Лиза доставила меня сюда вовремя…

– Более того… Сначала она, правда, не хотела мне рассказывать… После того первого приступа она прочла все, что смогла найти на эту тему, и всегда держала под рукой шприц и раствор «Валиума». Увидев, что вы задыхаетесь, она ввела вам сто

миллиграммов, чем и спасла вашу жизнь.

Мы с доктором Стюартом знакомы давно, он знал, что у меня нет рецепта на «Валиум». Мы говорили на эту тему, когда я последний раз лежал в больнице. Но, поскольку я жил один, сделать мне укол все равно некому.

Впрочем, доктора гораздо больше интересовал результат: я все-таки остался в живых.

В тот день он не допустил ко мне посетителей. Я запротестовал, но вскоре уснул. Лиза пришла на следующий день. На ней была новая майка с изображением робота в мантии и академической шапочке. Надпись на майке гласила: «Выпуск 11111000000 года». Оказалось, что это 1984 в двоичном исчислении.

– Привет, – улыбнулась Лиза и села на кровать. Меня вдруг начало трясти. Она посмотрела на меня встревоженно и спросила, не позвать ли врача.

– Не надо, – сказал я с трудом. – Просто обними меня.

Она сбросила туфли, забралась ко мне под одеяло и крепко обняла. Через какое-то время вошла медсестра и попыталась ее прогнать. Лиза выдала ей серию вьетнамских, китайских и английских ругательств, после чего медсестра исчезла. Позже я заметил, как в палату заглядывал доктор Стюарт.

Я почувствовал себя намного лучше и наконец унял слезы. Лиза тоже вытерла глаза.

– Я приходила сюда каждый день, – сказала она. – Ты выглядел ужасно, Виктор.

– Но я чувствую себя гораздо лучше.

– Сейчас ты и выглядишь приличнее. Но врач сказал, что на всякий случай тебе надо побыть тут еще пару дней.

– Наверное, он прав.

– Я приготовлю большой обед, когда ты вернешься. Может быть, стоит пригласить соседей.

Я долго молчал. Мы очень о многом еще не задумывались. Сколько это будет продолжаться между нами? Как скоро я начну заводиться от собственной бесполезности? Когда ей надоест жить со стариком? Я даже не заметил, с каких пор начал думать о Лизе как о неотъемлемой части своей жизни.

– Тебя так тянет провести годы у постели умирающего?

– Чего ты хочешь, Виктор? Я выйду за тебя замуж, если так нужно. Или буду жить с тобой в грехе. Предпочитаю грех, но если тебе будет лучше…

– Не понимаю, зачем тебе старый эпилептик.

– Затем, что я тебя люблю.

Она произнесла эти слова в первый раз. Я мог бы задать ей

еще несколько вопросов – вспомнить, например, майора, – но у меня пропало желание. И я переменил тему.

– Ты закончила работу?

Лиза поняла, о какой работе я говорю. Она наклонилась к моему уху и тихо сказала:

– Давай не будем здесь об этом, Виктор. Я не доверяю ни одному помещению, которое я сама не проверила на отсутствие «жучков». Но ты не бойся, я действительно все закончила, и последние две недели меня никто не беспокоил. Кажется, все обошлось, но я больше ни за что не полезу в такие дела.

У меня отлегло от сердца, но одновременно накатила усталость. Я пытался сдержать зевоту, однако Лиза почувствовала, что пора идти. Она поцеловала меня, пообещала в будущем еще много поцелуев и ушла.

Больше я ее никогда не видел.

В тот же вечер, около десяти, Лиза взяла отвертку, еще кое-какие инструменты и принялась за микроволновую духовку в кухне Клюга.

Конструкторы всегда заботятся о том, чтобы эти агрегаты нельзя было включить, когда дверца открыта. Это из-за опасного излучения. Но если ты хоть что-то соображаешь в технике и под рукой есть простые инструменты, обмануть защиту совсем не трудно. Для Лизы это оказалось куда как легко. Через десять минут работы она включила духовку и сунула туда голову.

Никто не знает, как долго это продолжалось. Достаточно, чтобы глазные яблоки сварились вкрутую. Затем она потеряла контроль над мускулами и упала на пол, потянув за собой духовку. Произошло короткое замыкание, и начался пожар.

Пожарная сигнализация, которую Лиза установила месяцем раньше, сработала вовремя. Бетти Ланьер тоже увидела огонь и вызвала пожарных. Хал бросился через дорогу, вбежал в горящую кухню и вытащил то, что осталось от Лизы, на лужайку перед домом.

Лизу срочно доставили в больницу, где ей ампутировали одну руку и удалили все зубы. Только никто не знал, что делать с глазами. Потом пришлось подключить ее к аппарату искусственного дыхания.

На срезанную с нее майку, обгоревшую и окровавленную, обратил внимание санитар. Часть текста прочесть было уже невозможно, но сохранились первые слова: «Я не могу так больше…»

Подробностей не знаю. Я сам узнавал об этом маленькими порциями, а началось все с беспокойства на лице доктора Стюарта, когда Лиза не пришла на следующий день. Доктор не

сказал мне ничего, и вскоре у меня начался еще один приступ.

Мои воспоминания о следующей неделе очень смутные. В памяти осталось, например, как я выписывался из больницы, но дорогу до дома совершенно не помню. Бетти отнеслась ко мне с большой заботой, а в больнице мне дали пилюли под названием «Транксен», и они помогали еще лучше: я глотал их, как конфеты, и ходил постоянно в тумане. Ел, когда заставляла Бетти, иногда засыпал прямо в кресле и, просыпаясь, подолгу не мог понять, где нахожусь. Часто мне снилась война в Корее и лагерь военнопленных.

Как-то раз я взглянул на себя в зеркало: на губах у меня застыла слабая полуулыбка. «Транксен» делал свое дело, и я понял, что если мне суждено будет еще пожить, придется с этим лекарством подружиться.

В конце недели ко мне вернулось что-то вроде способности мыслить рационально. Отчасти помог визит Осборна. Я в то время пытался отыскать хоть какое-то оправдание своей жизни, хоть какой-то смысл и подумал, что, может быть, у Осборна найдется что сказать на эту тему.

– Очень сожалею… – начал он.

Я промолчал.

– Я пришел по своей инициативе, – продолжил он. – В управлении не знают, что я здесь.

– Это было самоубийство? – спросил я.

– Я принес с собой копию… записки. Она заказала текст на майке за три дня до… до несчастного случая.

Он вручил мне лист бумаги с текстом. Лиза упоминала меня, но не по имени: «человек, которого я люблю». Она писала, что не в силах справиться с моими проблемами. Очень короткая записка – на майке много не напишешь. Я прочел ее пять раз и отдал Осборну.

– Она говорила вам, Осборн, что ту, первую записку писал не Клюг. Могу сказать, что эту писала не она.

Он неохотно кивнул. Я чувствовал себя невероятно спокойно, хотя где-то там, под этим спокойствием, прятался завывающий ужас. Спасал «Транксен».

– Вы можете это доказать?

– Она приходила ко мне в больницу незадолго до… Ее просто переполняло жизнелюбие и надежды. Вы говорите, что она заказала майку тремя днями раньше, но я бы это почувствовал. И потом, записка слишком патетична. Не в ее характере.

Осборн снова кивнул.

– Я хочу вам кое-что сказать. В доме не обнаружено никаких следов борьбы. Миссис Ланьер уверена, что на участок никто не

заходил. Ребята из криминалистической лаборатории обшарили весь дом и подтвердили, что она была одна. Я готов поклясться, что в дом никто не входил и никто оттуда не выходил. И так же, как и вы, я не верю в самоубийство. У вас есть какие-нибудь предположения?

– NSA, – сказал я. Потом рассказал ему, чем Лиза занималась еще при мне. Рассказал о ее страхе перед разведывательными управлениями.

– Если кто-то и способен провернуть такое, так это они. Но, должен сказать, мне в это нелегко поверить. Сам не знаю, почему. Вы верите, что эти люди способны убивать вот так просто…

По его взгляду я понял, что это вопрос.

– Я не знаю, во что я верю.

– Конечно, я не стану говорить, что они не убивают, когда дело касается национальной безопасности или еще какого-нибудь дерьма в таком же духе. Но они бы забрали компьютеры. Они и близко не подпустили бы ее ко всему этому, после того, как убрали Клюга.

– Пожалуй, это логично.

Он еще что-то пробормотал. Я предложил ему вина, и он с благодарностью согласился. Я прикинул, не присоединиться ли и мне – это довольно быстрая смерть, – но все-таки не решился. Осборн выпил целую бутылку и, немного захмелев, предложил сходить к дому Клюга, взглянуть еще раз. Я собирался на следующий день отправиться к Лизе и, понимая, что рано или поздно придется готовить себя к этому, согласился пойти с ним.

Сначала мы осмотрели кухню. Столы почернели от пламени, кое-где оплавился линолеум, но вообще-то пострадало не так уж много. Больше беспорядка было оттого, что пожарные залили все водой. На полу осталось коричневое пятно. Я сумел справиться с собой и задержал на нем взгляд.

Затем мы прошли в гостиную, и оказалось, что один из компьютеров включен. На экране светилось короткое сообщение.

ЕСЛИ ХОТИТЕ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ НАЖМИТЕ ВВОД $

– Не трогайте, – сказал я Осборну, но он протянул руку и нажал на клавишу. Слова исчезли, и на экране появилась новая фраза:

ТЫ ПОДГЛЯДЫВАЛ

Потом экран замигал, и я очутился в автомобиле, в темноте.

Во рту у меня была пилюля, еще одна – в руке. Я выплюнул пилюлю и какое-то время просто сидел, прислушиваясь к звуку мотора. В другой руке у меня оказался целый пузырек с «Транксеном». Чувствуя себя невероятно уставшим, я все-таки заглушил мотор, открыл дверцу, добрался на ощупь до дверей гаража и распахнул их настежь. Воздух снаружи показался мне свежим и сладким. Я взглянул на пузырек и бросился в ванную.

Когда я доделал то, что требовалось сделать, в унитазе плавало больше десятка нерастворившихся пилюль и множество пустых оболочек от них. Сосчитав оставшиеся в пузырьке и вспомнив, сколько их там было, я начал сомневаться, что выживу.

Я добрел до дома Клюга, но Осборна там не обнаружил. Потом накатила усталость, и мне едва удалось вернуться домой. Я лег на кровать и стал ждать, умру я или останусь жить. На следующий день я нашел объявление в газете. Осборн отправился домой и разнес себе затылок выстрелом из служебного пистолета. Совсем маленькая заметка. С полицейскими это случается постоянно. Предсмертной записки он не оставил.

Я сел на автобус, отправился в больницу и целых три часа добивался, чтобы мне разрешили увидеть Лизу. Так ничего и не добился. Я не был ей родственником, и врачи категорически отказались допускать к ней посетителей. Когда я начал заводиться, мне, как могли мягко, рассказали, насколько она плоха. Хал сообщил мне о Лизе далеко не все. Врачи поклялись, что у нее в голове не осталось ни одной мысли. И я отправился домой.

Лиза умерла через два дня.

К моему удивлению, она оставила завещание. Мне достался дом Клюга и все его содержимое. Узнав об этом, я позвонил в компанию, которая занимается уборкой мусора, и, когда они сказали, что грузовик уже выехал, я в последний раз отправился к дому Клюга.

На экране компьютера светилась все та же фраза:

НАЖМИТЕ ВВОД $

Я нашел нужную клавишу и отсоединил компьютер от сети. Когда прибыла машина, я распорядился, чтобы из дома вынесли все, оставив только голые стены.

Потом я прошелся по своему собственному дому, отыскивая все, что имеет хотя бы отдаленное отношение к компьютерам. Выбросил радио, продал машину и холодильник, микроволновую духовку, кухонный смеситель и электрические часы. Выбросил электрообогреватель из кровати.

Затем я купил самую лучшую газовую плиту. За старинным ледником пришлось охотиться довольно долго. Я забил гараж дровами и вызвал человека прочистить дымоход.

Немного позже я отправился в Пасадену и основал стипендиальный фонд имени Лизы Фу в размере семисот тысяч восьмидесяти трех долларов и четырех центов. Сказав в университете, что они могут расходовать эти деньги на любые исследования, кроме тех, что связаны с компьютерами. Надо полагать, они сочли меня эксцентричным стариком. Мне действительно казалось, что опасность миновала, когда зазвонил телефон.

Я долго не мог решиться, отвечать или нет, но потом понял, что он будет звонить, пока я не отвечу, и снял трубку.

Несколько секунд там раздавались только гудки, но меня это не обмануло. Я продолжал держать трубку у уха, и в конце концов гудки пропали. Осталось только молчание. Напряженно вслушиваясь, я слышал эти далекие музыкальные перезвоны, что живут в телефонных проводах. Отзвуки разговоров за тысячи миль отсюда. И что-то еще, бесконечно далекое и холодное.

Я не знаю, что они там в NSA создали. Я не знаю, сделали они это намеренно, или оно возникло само. Не знаю даже, имеют ли они к этому вообще какое-то отношение. Но я знаю, что оно там, потому что я слышал дыхание его души в телефонных проводах. И я начал говорить, осторожно подбирая слова:

– Я не хочу ничего знать. Я никому ничего не расскажу. Клюг, Лиза, Осборн – все они совершили самоубийство. Я всего лишь одинокий человек и никому не доставлю хлопот.

В трубке щелкнуло и раздались гудки.

Убрать телефон было несложно. Заставить телефонную компанию убрать проводку оказалось немного труднее: уж если они подводят кабель, считается, что это навсегда. Они долго ворчали, но, когда я начал срывать провода, уступили, предупредив, правда, что это обойдется недешево.

С энергокомпанией было хуже. Они, похоже, считали, будто есть такое правило, чтобы к каждому дому было подведено электричество. Их люди соглашались отключить подачу энергии, но наотрез отказались снимать провода, идущие к моему дому. Тогда я влез на крышу с топором и на их глазах подрубил четыре фута карниза с проволокой. После этого они смотали свое хозяйство и убрались.

Я выбросил все лампы, все, что связано с электричеством. Потом с молотком и зубилом принялся за стены.

Я выковырял скрытую проводку и прошелся по всему дому с мощным магнитом, проверяя, не пропустил ли я где металл,

потом неделю убирал мусор и заделывал дыры в стенах, в потолке и на чердаке. Меня очень забавляла мысль об агенте по продаже недвижимости, который будет продавать этот дом, когда меня не станет.

«Уверяю вас, замечательный дом! Никакого электричества…»

Теперь я живу спокойно. Как раньше.

В дневные часы работаю в огороде. Я его здорово расширил, теперь у меня и перед домом кое-что посажено.

Живу со свечами и керосиновой лампой. Почти все, что я ем, выращиваю сам.

Довольно долго я не мог отвыкнуть от «Транксена» и «Дилантина», но в конце концов мне это удалось, и теперь я переношу приступы без лекарств. Обычно после приступов остаются синяки.

Посреди огромного города я отрезал себя от окружающего мира. Компьютерная сеть, растущая быстрее, чем я могу себе представить, обходится без меня. Я не знаю, действительно ли это опасно для обычных людей, но мы-то в нее попались – я, Клюг, Осборн. И Лиза. Нас просто смахнули, как, бывает, я сам смахиваю с руки комара, даже не заметив, что раздавил его. Однако я остался жив.

Неизвестно, правда, надолго ли.

Лиза рассказывала мне, как компьютерный сигнал оттуда может проникнуть в дом через электропроводку. Есть такая штука, которая называется «несущая волна» – так вот, она может передаваться по обычным проводам. Поэтому мне и пришлось избавиться от электричества.

Для огорода нужна вода. Здесь, в южной части Калифорнии, дожди идут редко, и я просто не знаю, где еще брать воду.

Как вы думаете, сможет ли это проникнуть в дом через водопроводные трубы?